

КОЛЛОДИ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ
ФИСТАШКИ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ
ПЕТРУШКИ-МАРІОНЕТКИ.

ПЕРЕВОДЪ
СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА. — 1913.

Приключенія фисташки.

1.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣ-
которомъ государствѣ былъ...

— Король! — воскликнуть мои
читатели.

— Нѣтъ, милые, вы на этотъ
разъ ошиблись: не король, а про-
стой обрубокъ дерева, попросту
полѣно, которое только и годи-
лось въ печку или въ каминъ.

Неизвѣстно какъ, но попало
это полѣно къ старенькому ста-
ричку—столяру, Антону, котора-
го всѣ звали «Вишней», по той
простой причинѣ, что его фиоле-
товый носъ блестѣлъ ни дать ни
взять, какъ самая спѣлая вишня.

Когда «Вишня» увидѣлъ это
полѣно, то съ удовольствіемъ по-
теръ себѣ руки и проговорилъ:

— Вотъ и отлично, мнѣ какъ
разъ надо сдѣлать ножку къ мо-
ему столу.

Не долго думая, онъ взялъ то-
поръ, чтобы начать работу; но
не успѣлъ замахнуться, какъ от-
куда-то послышался тоненькій го-
лосокъ, который пропищалъ:

— Не бей меня ужъ очень
больно!

Вообразите себѣ, что стало съ
«Вишней»!

Онъ обвелъ глазами свою ма-
стерскую, но не увидѣлъ никого,
кто бы могъ такъ жалобно пищать.

Посмотрѣлъ подъ лавкой—ни-
кого!

Поискалъ въ шкапу, хотя тотъ
всегда былъ запертъ—тоже ни-
кого!

Заглянулъ въ корзину со струж-
ками—и тутъ никого!

Отворилъ дверь на улицу —
опять-таки никого!

— Что же это можетъ быть
такое?

Откуда-то послышался тоненькій голосокъ,

— Эге!—сообразилъ онъ, поче-
сывая свой парикъ.—Мнѣ просто-
напросто это послышалось! Чего
тутъ думать, за работу!—и съ
размаха ударилъ по полѣну.

— Ай! мнѣ больно!—жалобно
пропищалъ опять тотъ же голо-
сокъ.

На этотъ разъ столяръ «Вишня» прямо-таки остолебенѣлъ, выпучивъ глаза, съ открытымъ ртомъ, изъ котораго торчалъ кончикъ языка.

Немного приди въ себя, но все еще дрожа отъ страха, онъ началъ бормотать:

— Кто же это такъ пицить? Здѣсь кромѣ меня нѣтъ ни одной живой души... Неужто это полѣшко умѣетъ жалобно пицать, точно маленькій ребенокъ?.. Неужто внутри его кто-нибудь сидитъ?.. А если такъ, тѣмъ хуже для него—онъ у меня сразу выскочить оттуда!

Съ этими словами онъ схватилъ полѣно, и началъ бить имъ по стѣнамъ и по полу своей комнаты, точно хотѣлъ вытряхнуть все его нутро. Потомъ остановился и прислушался, не послышится ли опять жалобный голосокъ?

Подождалъ минутку — тихо; ждетъ еще—ничего не слышно; ждетъ, ждетъ—ни звука.

— Теперь ясно,—проговорилъ онъ, теребя свой парикъ, и стараясь улыбнуться,—этотъ голосокъ очевидно мнѣ послышался.— Это полѣно надо хорошенько обстругать, вотъ и все.

Чтобы придать себѣ храбрости, онъ началъ напѣвать; отложилъ топоръ въ сторону; взялъ рубанокъ, и сталъ стругать шершавую поверхность дерева.

Но вдругъ тотъ же голосокъ со смѣхомъ пропичалъ опять:

— Брось! ты задралъ мнѣ заусеницу.

Тутъ нашъ столяръ «Вишня» не выдержалъ и, какъ подкошенный, упалъ на полъ безъ сознания.

Когда онъ очнулся, лица его нельзя было узнать: такъ его перекосило отъ испуга, а носъ его изъ фіолетоваго сдѣлался даже голубымъ.

Тутъ кто-то постучался.

— Войдите, войдите!—не имѣя силы подняться съ пола, сказалъ столяръ.

Въ комнату вошелъ бодрый старикъ, по имени Дженетто. Сосѣдніе мальчишки въ насмѣшку звали его Полентіной потому, что его желтый парикъ напоминалъ своимъ цвѣтомъ кукурузовую кашу, которую въ Италіи называютъ Полентой.

Старикъ Дженетто.

Дженетто былъ очень вспыльчивъ. Бѣда, если назовутъ его Полентіной: онъ обозлится до того, что не помнитъ самъ себя!

— Здравствуйте, Антонъ!—поздоровался онъ.—Что это вы сидите на полу?

— Такъ себѣ! для развлечения.

— Желаю вамъ успѣха.

— Что васъ привело ко мнѣ, кумъ Дженетто?

— Меня всюду водятъ только мои ноги; а пришелъ я къ вамъ, милый Антонъ, попросить объ одолженіи.

— Я къ услугамъ вашимъ,—сказалъ столяръ, вставая съ пола.

— Сегодня утромъ я придумалъ одну штуку.

— Что такое?

— Пришло мнѣ въ голову сдѣлать изъ дерева маріонетку-Петрушку. Съ нимъ я отправлюсь по бѣлому свѣту зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, а, почему знать, можетъ-быть, заработаю что-нибудь и повкуснѣе. Что вы скажете на это?

— Bravo, Полентина! — пропичалъ неизвѣстно откуда чей-то голосокъ.

Дженетто, услыхавъ ненавистное ему прозвище, покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, но сдержалъ себя и обратился къ столяру:

— Зачѣмъ вы меня такъ оскорбляете?

— Чѣмъ я оскорбилъ васъ?

— Вы меня сейчасъ назвали Полентиной!

— Я васъ такъ не называлъ.

— Какъ не называли? Вѣдь не самъ же я себя такъ называлъ? Повторяю, вы сейчасъ меня называли Полентиной!

Слово за слово, и наши друзья такъ разгорячились, что вцѣпились другъ въ друга, и пошла потасовка.

Въ концѣ-концовъ, въ рукахъ у Антона оказался желтый парикъ Дженетто, а у Дженетто въ зубахъ включенный парикъ Антона.

— Отдай мнѣ мой парикъ! — кричалъ Антонъ.

— А ты отдай мнѣ мой и помиримся.

Старики отдали другъ другу парики, пожали руки и поклялись быть добрыми друзьями до самой своей смерти.

— Чѣмъ же, дорогой мой Дженетто, я могу вамъ услужить? — спросилъ, успокоившись, столляръ.

— Мнѣ нужно немного дерева, чтобы сдѣлать эту маріонетку. Не найдется ли у васъ?

Антонъ очень обрадовался, что можетъ избавиться отъ ужаснаго полѣна, и тотчасъ же поднялъ

его съ пола; но когда передавалъ своему другу, оно рѣзкимъ поворотомъ какъ-то вырвалось у него изъ рукъ и сильно треснуло бѣднаго Дженетто по колѣну.

— Ой! ой! Однако какъ вы мило обходитесь съ друзьями. Такъ вѣдь можно искалѣчить!

— Клянусь вамъ, я не виновать!

— Такъ что же, по-вашему, я виновать?

— Не вы, а полѣно.

— Я знаю, что полѣно. Да вѣдь вы же бросили его въ мое колѣно!

— Я не бросалъ.

— Вы лгунъ!

— Не смѣйте оскорблять меня, Дженетто, а то я назову васъ Полентиной.

— Болванъ!

— Полентина!

— Оселъ!

— Полентина!

— Обезьяна!

— Полентина!

Слыша въ третій разъ это прозвище, Дженетто окончательно взбѣсился, и опять пошла потасовка.

Въ результатъ на носу Антона появилось двѣ здоровыхъ царапины, а у его друга не хватало двухъ пуговицъ на жилеткѣ.

Но все-таки они помирились, пожали другъ другу руки и поклялись быть добрыми друзьями до самой своей смерти.

Дженетто взялъ полѣно, поблагодарилъ столяра и, прихрамывая, пошелъ къ себѣ домой.

3.

Комната Дженетто была въ подвалѣ, а окно выходило подъ лѣстницу. Мебель у него была очень бѣдная: стулъ, скамейка, плохонькая кровать да изломанный столъ — вотъ и все.

Войдя въ комнату, Дженетто тотчасъ же взялся за инстру-

менты и сталъ выстругивать, вы-
тачивать маріонетку.

— Какъ мнѣ его назвать? —
бормоталъ онъ про себя. — Назову
его Фисташкой.

Порѣшивъ съ этимъ вопросомъ,
онъ сталъ вырѣзывать изъ дерева
голову: сдѣлалъ волосы, лобъ и
глаза. Но представьте себѣ его
удивленіе, когда онъ вдругъ за-
мѣтилъ, что эти глаза стали дви-
гаться и пристально на него
смотримъ.

Послѣ глазъ онъ вырѣзалъ
носъ, который тотчасъ же сталъ
увеличиваться и расти, — росъ.
росъ, и въ нѣсколько минутъ
сталъ не носомъ, а носищемъ.
Чѣмъ болѣе Дженетто обрѣзалъ
его, тѣмъ длиннѣе становился
носъ.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ ротъ.

Ротъ еще не былъ оконченъ,
какъ сталъ уже насмѣшливо улы-
баться.

— Перестань смѣяться! — крик-
нулъ Дженетто; но это было, какъ
къ стѣнѣ горохъ.

— Я тебѣ говорю, перестань
смѣяться! — крикнулъ онъ еще
разъ сердитымъ голосомъ.

Ротъ пересталъ смѣяться, но
зато высунулся языкъ.

Носъ становился все длиннѣе.

Петрушка держалъ въ рукахъ парикъ.

Чтобы не случилось чего-ни-
будь еще хуже, Дженетто сдѣ-
лалъ видъ, что этого не замѣ-
чаетъ, и продолжалъ свою ра-
боту: сдѣлалъ подбородокъ, шею,
плечи, животъ и руки.

Только что онъ кончилъ кисти
рукъ, какъ почувствовалъ, что
парикъ его сорвался съ головы.

Поднявъ кверху голову, что же
онъ увидѣлъ?

Его желтый парикъ держалъ
въ рукахъ Петрушка.

— Фисташка! отдай сейчасъ
мнѣ мой парикъ!

А Петрушка вмѣсто того на-
хлобучилъ себѣ его на голову.

— Негодный мальчикъ! Я еще
не успѣлъ всего тебя докончить,
а ты ужъ начинаешь шалить и
огорчать меня — меня, твоего
папу.

И онъ отеръ катившуюся по
его щекѣ слезу.

Оставалось теперь только кон-
чить ноги и ступни.

Когда ступни были готовы,
вдругъ Дженетто почувствовалъ
ударъ носкомъ ноги по своему
животу.

— Подѣломъ мнѣ это, — сказалъ
онъ про себя: — надо было думать

раньше объ этих шалостяхъ, а теперь ужъ поздно.

Снявъ со стола Петрушку, онъ поставилъ его на полъ; но ноги не двигались совсѣмъ, точно онѣ онѣмѣли, и Джепетто долженъ былъ повести сначала его за руку. Мало-по-малу, однако, Фисташка разошелся, заходилъ взадъ и впередъ, и даже побѣжалъ по комнатѣ; а побѣжавъ къ двери, неожиданно юркнулъ въ нее, выскочилъ на улицу, и давай Богъ ноги.

Джепетто пустился за нимъ вдогонку, но догнать его было невозможно, потому что этотъ разбойникъ Фисташка прыгалъ, какъ заяцъ, стуча по мостовой своими деревянными ногами, точно жеребенокъ копытами.

— Держи! Держи его! — кричалъ Джепетто; но прохожіе при видѣ мчавшагося Фисташки только хохотали.

На счастье недалеко впереди шелъ жандармъ. Слыша этотъ трескъ, и гамъ, и хохотъ, и вообразивъ, что это, быть-можетъ, вырвался какой-нибудь рѣзвый жеребенокъ и, прыгая, стучитъ копытами по мостовой, онъ смѣло сталъ среди улицы, и разставилъ широко свои ноги чтобы удержать его.

Фисташка, завидя, что жандармъ поперекъ всей улицы разставилъ ноги, надумалъ проскочить между ними, но не тутъ-то было.

Жандармъ успѣлъ схватить его за носъ и передалъ Джепетто, у котораго уже чесались руки, чтобы надрать уши бѣглецу.

Но вообразите, какъ онъ былъ пораженъ, когда ушей не оказалось. И знаете ли почему? — Онъ самъ же второпяхъ забылъ ихъ вырѣзать изъ дерева.

Оставалось только взять его за волосенки, и вести домой, причемъ Джепетто приговаривалъ сердито:

— Сейчасъ иди назадъ, негодный! Дома, будь покоенъ, я съ тобой расправлюсь.

Слыша такое обѣщанье, Фисташка повалился на мостовую, и упорно не хотѣлъ итти.

Мнѣнія прохожихъ раздѣлились. Одни говорили: бѣдненькій Петрушка! Весьма понятно, что ему за охота итти домой! Вѣдь этотъ противный Джепетто нащиплетъ прямо-таки изъ него лучинокъ.

Другіе говорили:

— Джепетто очень хорошій человекъ! Но для дѣтей онъ истинный тиранъ. Если оставить въ

Джепетто пустился за нимъ вдогонку.

его рукахъ бѣднаго Петрушку, отъ него останутся только одиѣ щепки.

Однимъ словомъ, наговорили столько всякой всячины, что жандармъ ничего не могъ сообразить, и рѣшилъ отпустить Петрушку; Джепетто же, который ничего не говорилъ въ свою защиту, а только плакалъ и ревѣлъ, какъ годовалый теленокъ, повелъ въ тюрьму.

Бѣдный старикъ всю дорогу бормоталъ сквозь слезы:

— Негодный мальчишка! Подумать только, сколько я надъ нимъ работалъ, чтобы сдѣлать хорошаго Петрушку! И подѣломъ мнѣ это!.. Надо было думать раньше.

4.

Итакъ, милые читатели, въ то время, когда ни въ чемъ неповиннаго Дженетто жандармъ велъ въ тюрьму, шлутъ Фисташка лущилъ во всю мочь черезъ огороды и поля, чтобы сократить себѣ дорогу и скорѣе добѣжать домой.

Онъ прыгалъ черезъ рвы, черезъ изгороди и канавы, точно молодой козленокъ или заяцъ.

Дома дверь была затворена. Петрушка толкнулъ ее, быстро за собой захлопнулъ, заперъ на

Жандармъ усилъ схватить Фисташку за носъ,

задвину, и сѣлъ на полъ, глубоко вздохнувъ отъ удовольствія.

Тѣмъ временемъ стемнѣло; въ животѣ у Фисташки начало бурлить, и онъ вспомнилъ, что ничего еще не ѣлъ.

У дѣтей аппетитъ усиливается очень быстро, и черезъ нѣсколько минутъ онъ превратился въ голодъ, да такой ужасный, что хотъ кусай самого себя.

Онъ сталъ шарить по всѣмъ угламъ и ящикамъ, не найдется

ли кусочка хлѣба, хотя бы черстваго; нѣтъ ли хотъ корочки; хотъ обглоданной собакой косточки; хотъ горсточку заплѣсневѣвшей кашки; хотъ бы рыбьей чешуи; хотъ бы, наконецъ, вишневой косточки—только бы пожевать чего-нибудь!

Но не нашлось ничего, равно ничего, ни капельки ничего.

А голодъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Фисташка сталъ зѣвать, и ему, какъ будто, стало легче. Зѣвалъ, зѣвалъ до того, что ротъ растянулся до ушей. Зѣвнеть и сплюнуть; опять зѣвнеть и опять сплюнуть; а въ желудкѣ тѣмъ временемъ стало доходить до корчей.

Вдругъ онъ увидѣлъ въ кучѣ сора что-то круглое, бѣлое, похожее на куриное яйцо. Въ одинъ прыжокъ онъ былъ ужъ тамъ. Дѣйствительно, это было яйцо.

Трудно описать радость голоднаго Петрушки. Не вѣри своимъ глазамъ, онъ вертелъ его въ рукахъ и разсуждалъ:

— Какъ теперь мнѣ его съѣсть? Сдѣлать яичницу?... Или сварить вкрутую? А то не лучше ль всмятку?... Иль испечь? Нѣтъ, самое вкусное—это яичница на сковородкѣ!

Сказано — сдѣлано. Онъ развелъ огонь въ каминѣ, поставилъ сковородку на горящія уголья, вмѣсто масла налилъ немного воды, и когда вода стала закипать — тукъ! разбилъ скорлупу яичка, и опрокинулъ, чтобы вылить его на сковородку.

Но вмѣсто бѣлка и желтка оттуда выскочилъ шустренькій цыпленокъ, который вѣжливенько поклонился и проговорилъ:

— Спасибо, Фисташка, что ты разбилъ эту скорлупу, мнѣ самому было бы — ахъ, какъ трудно

это сдѣлать! До свиданья! Будь здоровъ и кланяйся домашнимъ!— и, расправивъ крылышки, онъ вылетѣлъ въ открытое окно.

Бѣдный Петрушка точно остолбенѣлъ. Онъ стоялъ съ выпученными глазами и разинутымъ ртомъ, держа въ рукахъ пустую скорлупу; однако скоро пришелъ въ себя, сталъ плакать, визжать, топтать по полу ногами.

Всѣ его суставы дрожали точно въ лихорадкѣ, и, чтобы успокоиться, онъ надумалъ сбѣгать въ ближайшее село. Возможно, что онъ встрѣтитъ тамъ кого-нибудь, кто изъ состраданья дастъ ему кусочекъ хлѣба.

5.

Ночь эта была ужасная. Громъ гремѣлъ безъ перерыва, а молнія сверкала такъ, что, казалось, будто все небо объято заревомъ пожара; холодный, пронзительный вѣтеръ свистѣлъ и завывалъ, поднимая цѣлыя тучи пыли; деревья, шатаясь, стонали и скрипѣли.

Фисташка страшно боялся грозы; но голодъ былъ сильнѣе страха. Онъ выскочилъ наружу, пустился бѣжать, что было силъ, и менѣе чѣмъ въ сто прыжковъ достигъ села, хотя высунувъ языкъ и задыхаясь, какъ охотничья собака.

Кругомъ была темная-претемная ночь, и ни одной живой души. Лавки были заперты, окна затворены, всѣ двери на запорѣ; а на улицѣ хоть бы одна собака. Казалось, это былъ поселокъ мертвыхъ.

Фисташка съ голода и отчаянія схватился за звонокъ одного дома и началъ звонить безъ остановки, приговаривая про себя:

— Кто-нибудь да откликнется же, наконецъ.

Дѣйствительно, въ окнѣ показался старикъ въ ночномъ колпакѣ и сердито закричалъ:

— Что вамъ надо въ такой поздній часъ?

— Не будете ли вы такъ добры дать мнѣ кусочекъ хлѣба?

— Подожди минутку, я сейчасъ!—сказалъ старикъ, которому представилось, что это одинъ изъ сорванцовъ, которые по ночамъ звонятъ для своей забавы, не давая добрымъ людямъ спать.

Черезъ полминуты окно опять открылось, и старикъ крикнулъ:

— Подойди сюда и подставь мнѣ свою шляпу.

У Фисташки шляпы не было, но все-таки онъ подошелъ, и тотчасъ же былъ облилъ съ головы до ногъ цѣлымъ ведромъ воды.

Домой онъ вернулся мокрый, усталый и еще болѣе голодный; совѣмъ безъ силъ шлепнулся на стулъ; протянулъ облитенныя грязью ноги въ каминъ съ горящими угольями и тотчасъ же заснулъ.

Ноги стали тлѣть и превращаться въ головешки, а Фисташка спалъ, ровно ничего не замѣчая.

На зарѣ его разбудилъ стукъ въ двери.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ, позѣвывая и протирая слипшіеся отъ сна глаза.

— Это я!—отвѣтилъ кто-то.

Это былъ голосъ отца его, Джепетто.

6.

Фисташка со сна не могъ сразу продрать глаза, и совѣмъ не замѣчалъ, что у него наполовину обгорѣли ноги. Однако слыша отцовскій голосъ, онъ тотчасъ же вскочилъ, чтобы бѣжать отпирать задвижку; но черезъ дватри хромыя прыжка повалился на полъ.

— Отпирай же!—кричалъ между тѣмъ съ улицы Джепетто.

— Батюшка, я не могу...—отвѣчалъ со слезами Петрушка, катаясь по полу.

— Почему не можешь?

— У меня обѣли ноги.

— Кто ихъ обѣлъ?

— Кошка,—отвѣчалъ Петрушка, увидя кошку, которая играла въ уголкѣ.

— Отопри же, говорятъ тебѣ,—крикнулъ Джепетто,—а то я покажу тебѣ такую кошку, что ты не скоро позабудешь!

— Вѣрьте мнѣ, я не могу держаться на ногахъ! Что мнѣ теперь дѣлать? Придется всю жизнь ползать на колѣнкахъ.

Джепетто, предполагая, что это новыя шалости Петрушки, рѣшился прекратить ихъ и полѣзъ черезъ окно съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать сурово; но, когда увидѣлъ, что Фисташка сидитъ на полу, дѣйствительно, безъ ногъ, ему стало его жалко.

Онъ взялъ его на руки, сталъ ласкать, цѣловать и со слезами на глазахъ приговаривалъ:

— Милый мой Фисташечка! какъ это тебя угораздило сжечь свои ноги?

И Фисташка сталъ, плача и охая, рассказывать свои приключенія.

Джепетто изъ всего этого безсвязнаго разсказа понялъ только одно, что Петрушка былъ голоденъ ужасно; поэтому онъ вынулъ изъ кармана три груши и отдалъ ихъ ему со словами:

— Эти три груши я приготовилъ себѣ на завтракъ, но тебѣ я отдамъ ихъ съ удовольствіемъ. Кушай на здоровье.

— Если вы хотите, чтобы я съѣлъ ихъ, будьте добры очистить кожу.

— Очистить кожу?—удивился Джепетто.—Я не думалъ, что ты такъ привередливъ. Это нехорошо. Надо съ дѣтства приучаться ѣсть все безъ разбора: мы никогда не знаемъ, что можетъ съ нами приключиться. Мало ль, что бываетъ.

— Вы правы,—отвѣчалъ Фисташка,—но я никогда не ѣмъ неочищенныхъ плодовъ. Ёсть съ кожурой я прямо-таки не могу.

Добрякъ Джепетто досталъ ножикъ и терпѣливо сталъ очищать всѣ три груши, откладывая кожуру въ сторонку.

Когда Фисташка проглотилъ первую грушу въ два глотка и собирался бросить сердцевину, Джепетто удержалъ его:

— Не бросай!—все можетъ пригодиться.

— Ну, ужъ сердцевину я не стану ѣсть!—крикнулъ Петрушка.

— Какъ знать! Всякое бываетъ!—спокойно возразилъ Джепетто.

Кончилось тѣмъ, что всѣ три сердцевины были положены на концѣ стола вмѣстѣ съ кожурой.

Съѣвъ или, лучше сказать, проглотивъ груши, Фисташка зѣвнулъ во весь ротъ и плаксивымъ голосомъ проговорилъ:

— А мнѣ все еще хочется покушать.

Джепетто полѣзъ черезъ окно.

— Но у меня, голубчикъ, нѣтъ больше ничего.

— Такъ-таки ничего?

— Осталась только эта кожа да сердцевина.

— Что дѣлать, если нѣтъ больше ничего другого, попробую съѣсть хоть кожуру!—И онъ принялся ее жевать.

Сначала ротъ его кривился; но все-таки одну вслѣдъ за другой онъ уничтожилъ всѣ. За кожурой послѣдовали сердцевина. Когда ничего больше не осталось, онъ потерялъ себѣ животъ и проговорилъ съ довольной миной:

— Вотъ теперь мнѣ хорошо!

— Видишь ли,—сказалъ Джепетто,—я былъ правъ, когда говорилъ тебѣ, что не надо быть разборчивымъ на пищу. Милый мой, мы никогда не знаемъ, что можетъ приключиться съ нами. Все можетъ быть!

7.

Когда Петрушка, утоливъ свой голодъ, онъ опять началъ брюзжать, и сквозь слезы просилъ сдѣлать ему пару новыхъ ногъ.

— Зачѣмъ я буду чинить твои обгорѣлыя ноги?—сказалъ на это Джепетто.—Чтобы ты убѣжалъ опять?

— Обѣщаюсь вамъ, всхлипывая, упрашивалъ Петрушка,—я буду вамъ во всемъ послушнымъ...

— Всѣ мальчики всегда такъ говорятъ.

— Обѣщаюсь ходить въ школу и учиться хорошо!

— Всѣ мальчики, когда чего-нибудь хотятъ, всегда такъ обѣщаютъ.

Хотя Джепетто выглядѣлъ сердитымъ, но сердце его ныло отъ жалости къ бѣдному Фисташкѣ, который имѣлъ, дѣйствительно очень печальный видъ.

Наконецъ старикъ взялъ инструменты, два куска сухого дерева и сталъ старательно стругать.

«Зачѣмъ я буду чинить твои ноги?» сказалъ Джепетто.

Меньше чѣмъ черезъ часъ обѣ ноги были готовы.

— Теперь закрой глаза и спи!—сказалъ Джепетто.

Петрушка притворился спящимъ.

Джепетто развелъ въ яичной скорлупѣ немножко клею и такъ хорошо приклеилъ обѣ ноги на ихъ мѣсто, что даже слѣда не было замѣтно.

Какъ только Петрушка увидалъ, что у него опять есть ноги, тотчасъ же соскочилъ со стола, на которомъ лежалъ въ растяжку, и началъ прыгать и плясать.

— Чтобы отблагодарить васъ,—сказалъ онъ отцу,—за все, что вы для меня сдѣлали, я сейчасъ же иду въ школу.

— Молодецъ, мой мальчикъ!

— Но мнѣ надо бы что-нибудь надѣть.

Джепетто былъ очень бѣденъ, у него не было ни гроша въ карманѣ; поэтому платье для Фисташки пришлось сдѣлать изъ цвѣтной бумаги, башмаки изъ березовой коры, а шапку изъ хлѣбнаго мякиша.

Фисташка подбѣжалъ къ ушатъ, посмотрѣлся въ воду вмѣсто зеркала и остался очень доволенъ собой.

— Однако, — продолжалъ Петрушка, — чтобы итти въ школу мнѣ не хватаетъ главнаго!

— Чего же это?

— Не хватаетъ букваря.

Шанку Джекетто сдѣлать изъ хлѣбнаго микша.

— Правда. Только, какъ его добыть?

— Очень просто. Пойдемъ въ книжную лавку, и купимъ тамъ его.

— У меня нѣтъ денегъ! — сказалъ грустно старичокъ.

«Стало грустно и Фисташкѣ, несмотря на весь его веселый нравъ.

— Подожди! — вдругъ крикнулъ Джекетто и, наскоро надѣвъ старую бумазейную куртку, всю въ лохмотьяхъ и заплатяхъ, выбѣжалъ изъ дома.

Онъ скоро вернулся съ букваремъ въ рукахъ, но уже безъ куртки. На немъ была одна жилетка, а на улиткѣ шелъ снѣгъ.

— А гдѣ же ваша куртка?

— Я ее продалъ.

— Зачѣмъ?

— Да мнѣ жарко стало...

Фисташка догадался, въ чемъ тутъ дѣло, и не могъ сдержать порывъ своего сердца: онъ бросился на шею къ своему отцу и сталъ обнимать и цѣловать его.

8.

Когда снѣгъ прошелъ, Фисташка съ букваремъ подъ мышкой отправился въ школу и дорогой разсуждалъ велухъ самъ съ собой:

— Сегодня въ школѣ я научусь читать; завтра писать; а послѣ-завтра научусь считать. Потомъ заработаю много-много денегъ и сейчасъ же куплю моему нагѣ новую суконную куртку.

Въ это время вдали послышалась музыка — играла флейта, и гремѣлъ турецкій барабанъ: пи-пи-пи! пи-пи-пи! дзумъ-дзумъ-дзумъ!

Фисташка остановился и сталъ прислушиваться.

Музыка слышалась со стороны дороги, которая вела къ небольшому селенью на берегу моря.

— Гдѣ эта музыка? Какъ досадно, что мнѣ надобно итти учиться въ школу, а то бы...

«Хочешь купить у меня этотъ букварь?» спросилъ Фисташка.

Онъ остановился въ нерѣшительности, куда направиться—въ школу или на музыку?

— Сегодня пойду послушать музыку, а завтра въ школу; въ школу я еще успею, — рѣшилъ онъ, наконецъ.

Сказано—сдѣлано. Шалуны побѣжали по дорогѣ къ селу, и чѣмъ скорѣй бѣжали, тѣмъ слышнѣй становились звуки флейты и барабана: пи-пи-пи! пи-пи-пи! дзумъ-дзумъ-дзумъ!

Площадь, на которой онъ очутился, была полна народа, толпившагося вокругъ балагана, обтянутого холстомъ.

— Для чего здѣсь этотъ балаганъ? — спросилъ Фисташка у одного мальчика.

— Прочитай афишу, вотъ и узнаешь: тамъ все написано.

— Я съ удовольствіемъ бы это сдѣлалъ, но читать-то не умѣю.

— Вотъ это хорошо! Ладно, я тебѣ ее прочту. Видишь! красными буквами тамъ напечатано: *Большой театръ ма-ріонетокъ*.

— А представленье давно ужъ началось?

— Сейчасъ начнется.

— Почему за входъ?

— По пятачку.

Фисташка не утерпѣлъ. Ему такъ захотѣлось посмотрѣть, что тамъ такое, что, забывъ и стыдъ и совѣсть, онъ обратился къ мальчику:

— Дайте мнѣ до завтра пять копеекъ.

— Я съ удовольствіемъ бы это сдѣлалъ, насмѣшливо отвѣтилъ тотъ, — но вотъ именно сегодня-то и не могу.

— За пять копеекъ я продамъ вамъ мое платье.

— На что мнѣ твое платье? Если пойдетъ дождикъ, оно такъ прилипнетъ къ тѣлу, что потомъ и не отдѣлишь.

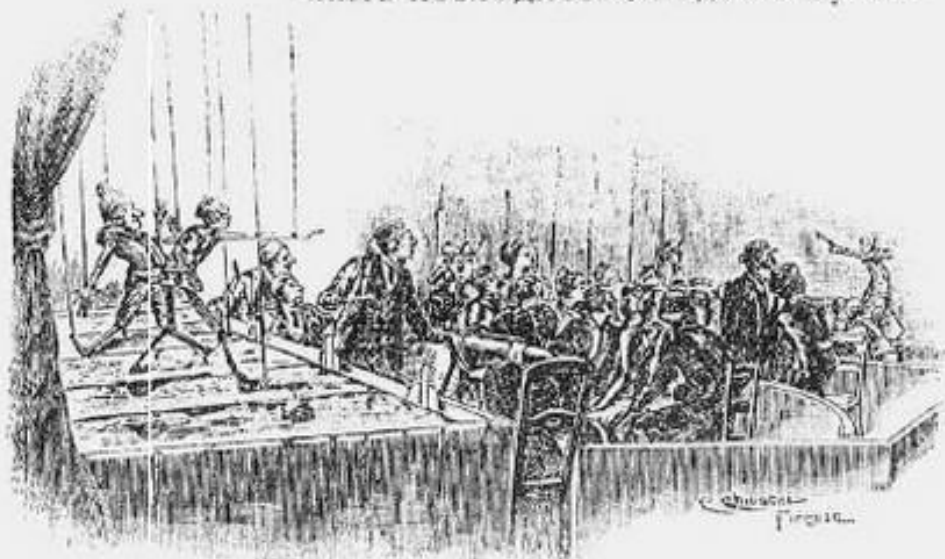
— Коли такъ, купите башмаки.

— Они годны только на растопки.

— А сколько вы дадите мнѣ за шляпу?

— Вотъ ужъ шляпа! Нечего сказать! — изъ мякиша! Такой шляпой только голодныхъ мышей приманишь на свою же шею!

Фисташка былъ весь, какъ на иголкахъ, и готовъ былъ предложить послѣднее. Онъ долго мучилъ

«Вѣдь это Фисташка!» воскликнуть Арлекинъ.

ся и колебался, наконецъ, сказалъ:

— Хочешь купить у меня этотъ букварь?

— За пять копеекъ я возьму этотъ букварь! — крикнулъ торговецъ старымъ платьемъ, слышавшій ихъ разговоръ.

Книжка была тутъ же продана.

Подумайте только! Бѣдный Дженетто дрожалъ отъ холода изъ-за того, что купилъ букварь своему милому сынку.

Когда Фисташка вошелъ въ театръ, занавѣсъ былъ уже поднятъ и представленье началось.

При появленіи Огнеѣда всѣ притихли.

На сценѣ Арлекинъ и Полишинель ссорились между собой.

Публика громко хохотала, когда они наступали другъ на друга, носомъ къ носу, бранясь и махая руками.

Вдругъ Арлекинъ остановился и, указывая пальцемъ въ глубину залы, воскликнулъ:

— Силы небесныя! Во снѣ я иль на яву?... Что я вижу!.. Вѣдь это... Фисташка!

— Да! Это Фисташка! — воскликнулъ Полишинель.

— Да, это онъ! — взвизгнула одна маріонетка, выглядывая изъ кулисъ.

— Это Фисташка! Здѣсь Фисташка! — стали кричать всѣ маріонетки, выскочивъ на сцену.

— Это Фисташка! Нашъ другъ и братъ! Ура! Ура! Фисташка! Фисташка, прыгай сюда къ намъ! — крикнулъ Арлекинъ. — Приди въ объятія твоего братца!

На такой сердечный зовъ Фисташка не могъ не отозваться, и однимъ прыжкомъ былъ въ

первыхъ рядахъ креселъ; затѣмъ прыгнулъ на плечи капельмейстера, а оттуда перескочилъ на сцену.

Трудно передать, съ какой радостью всѣ актеры и актрисы этой деревянно-драматической труппы стали кидаться на шею Фисташки, обнимать, цѣловать его.

Все это было очень трогательно, нечего и говорить; но публика, стала волноваться и кричать:

— Довольно! Продолжайте представленье! Хотимъ смотрѣть комедію!

Но маріонетки совсѣмъ забыли про комедію, и стали кричать и шумѣть еще болѣе.

Тутъ появился на сценѣ самъ хозяинъ театра. Это былъ громаднаго роста и такого противнаго вида че-

ловѣкъ, что на него страшно было смотрѣть. Борода черная, какъ чернила, и такая длинная, что волочилась даже по полу. Довольно вамъ сказать, что на ходу онъ наступалъ на нее обѣими ногами. Ротъ былъ точно жерло печки; глаза, какъ два красныхъ фонаря; а въ рукѣ—кнутъ изъ связанныхъ вмѣстѣ змѣй и лисьихъ хвостовъ.

При его появленіи всѣ притихли; притаили дыханіе; слышно стало, какъ муха пролетитъ. Несчастныя маріонетки дрожали, какъ осиновые листья.

— Ты зачѣмъ сюда явился и взбудоражилъ всѣхъ?—крикнулъ онъ на Фисташку страшнымъ, хриплымъ голосомъ.

— Повѣрьте мнѣ, ваше высоко-степенство, я не виноватъ...

— Молчать! Безъ разговоровъ! Вотъ увидишь, какъ я расправлюсь уже вечеромъ съ тобой!

Дѣйствительно, по окончаніи представленія, когда хозяинъ пошелъ на кухню и замѣтилъ, что

не хватаетъ дровъ, чтобы дожарить кусокъ барашка ему на ужинъ, онъ громко крикнулъ Арлекину и Полишинелю:

— Принести сейчасъ сюда Петрушку. Онъ, мнѣ показалось, сдѣланъ изъ хорошаго, сухого дерева; я подброшу его въ огонь и барашекъ дожарится, какъ нельзя лучше.

Арлекинъ и Полишинель замялись было, но, увидя страшный взглядъ хозяина, повиновались, сейчасъ же принесли на рукахъ несчастнаго Петрушку, который извивался, точно угорь на пескѣ, и кричалъ, что было мочи:

— Милые мои, дорогіе! спасите меня! Не хочу въ печку!

10.

Хозяинъ Огнеѣдъ (такъ онъ прозывался), хотя былъ человѣкъ страшный, но не злой.

Ему стало жаль Фисташку, онъ былъ растроганъ и хотъ поупрямился немного, но, въ концѣ-концовъ, не выдержалъ и громко, во всю мочь, чихнулъ.

Все время грустный и скорбный, какъ плакучая ива, Арлекинъ тутъ вдругъ повеселѣлъ и прошепталъ Фисташкѣ:

— Теперь не бойся, все будетъ хорошо! Хозяинъ нашъ чихнулъ, значитъ, онъ сжалился и не броситъ тебя въ печку.

Надо вамъ сказать, что Огнеѣдъ, когда бывалъ растроганъ, вмѣсто того, чтобы плакать, всегда чихалъ.

Хотя онъ уже чихнулъ, однако, все еще продолжалъ представляться злымъ и сердито закричалъ Фисташкѣ:

— Будетъ тебѣ плакать! У меня отъ твоихъ слезъ что-то въ животѣ нехорошо... какъ будто даже что-то саднить... Ачхи! Ачхи!—и онъ чихнулъ еще два раза.

— Будьте здоровы! — подхватилъ Петрушка.

— Спасибо. А твой отецъ и мать все еще живы?

— Отецъ мой живъ, а матери я никогда и не знавалъ.

— Пожалуй, твой отецъ былъ бы очень огорченъ, если бы я тебя въ огонь подбросилъ? Бѣдный, бѣдный старичокъ! Мнѣ жаль его!.. Ачхи! Ачхи! Ачхи! — тутъ онъ чихнулъ еще три раза.

— Будьте здоровы!

— Какъ же зовутъ твоего отца?

— Дженетто.

— А что онъ дѣлаетъ?

— Да голодаетъ.

— А много зарабатываетъ?

— Представьте, чтобы купить для меня букварь, онъ долженъ былъ продать свою единственную, всю дырявую, въ заплаткахъ куртку.

— Бѣдняга! мнѣ жаль его. На, вотъ возьми пять золотыхъ монетъ, снеси ему сейчасъ же и передай поклонъ.

Легко себѣ представить, какъ сталъ благодарить Петрушка Огнеѣда. Потомъ обнялъ по очереди всѣхъ маріонетокъ и, внѣ себя отъ радости и счастья, направился домой.

11.

Не успѣлъ онъ пройти и полуверсты, вдругъ идутъ ему навстрѣчу хромая Лисица и слѣпая Кошка. Какъ два добрыхъ товарища, онѣ

Навстрѣчу Фисташкѣ идутъ Лиса и Кошка.

другъ дружкѣ помогали, какъ могли: хромая Лисица опиралась на слѣпую Кошку и за то направляла ее по дорогѣ.

— Здравствуй, Фисташка! — сказала ласково Лисица.

— Какъ ты знаешь мое имя?

— Я хорошо знаю твоего отца.

— Гдѣ ты его видала?

— Вчера, на порогѣ его дома.

— А что онъ дѣлалъ?

— Онъ былъ въ одной жилеткѣ и весь дрожалъ отъ холода.

— Бѣдненькій мой папа! Богъ дастъ, теперь дрожать онъ перестанетъ, потому что я разбогатѣлъ.

— Разбогатѣлъ? Ты сталъ богатымъ? — спросили Лисица и Кошка и разсмѣялись.

— Нечего смѣяться! — закричалъ Фисташка. Вотъ настоящихъ пять золотыхъ монетъ.

— Что ты будешь дѣлать съ ними? — спросила ласково Лисица.

— Прежде всего я куплю отцу куртку, а потомъ себѣ букварь.

— Букварь?

— Непремѣнно! я пойду въ школу и буду хорошо учиться.

Они прошли ужъ больше полдороги, какъ вдругъ Лиса остановилась:

— Хочешь ты, чтобы вмѣсто этихъ пяти золотыхъ у тебя было двѣ тысячи пятьсотъ золотыхъ?

— Какъ не хотѣть! Но только какъ?

— Очень просто. Вмѣсто того, чтобы идти домой, пойдѣмъ-ка вмѣстѣ съ нами.

— А куда же мы пойдѣмъ?

— Въ городъ Грабьдурней. Я сейчасъ все объясню, — продолжала Лисица, — надобно тебѣ сказать, что тамъ, около города Грабьдурней, есть удивительное поле. Его называютъ «Лугомъ чудесъ». Ты, напримѣръ, сдѣлаешь на этомъ полѣ маленькую ямку, положишь въ нее золотую монету и зароешь ее тамъ, польешь двумя ведрами воды и посыплешь немного солью; а вечеромъ спокойно ляжешь спать. Ночью монета пуститъ отъ себя ростокъ, а утромъ, когда ты встанешь и придешь на поле, какъ ты думаешь, что ты найдешь тамъ? — Прекрасное дерево со столькими золотыми монетами на каждой его вѣткѣ, сколько зеренъ въ самомъ большомъ, хорошемъ колосѣ.

— Вотъ это штука! — воскликнулъ, радостно запрыгавъ, Петрушка. — Когда я соберу эти монеты, то себѣ оставлю только двѣ тысячи, а пятьсотъ подарю вамъ. Идемъ сейчасъ же! Я вмѣстѣ съ вами!

12.

Они шли, шли, наконецъ, ужъ подъ вечеръ, изнемогая отъ усталости, пришли къ гостиницѣ «Красный ракъ».

— Отдохнемъ здѣсь, — сказала Лисица, — поѣдимъ чего-нибудь и поспимъ немного.

Войдя въ трактиръ, всѣ трое усѣлись за столомъ; но никто не выражалъ желанья кушать.

Вѣдь меньше вѣхъ Фисташка.

Кошка чувствовала себя нехорошо и могла съѣсть всего только тридцать пять головлей съ соусомъ изъ помидоровъ и четыре порціи требухи съ сыромъ.

Лисица тоже охотно покушала бы вволю; но такъ какъ докторъ предписалъ ей строжайшую діету, то могла съѣсть только одного жирнаго зайчика, обложеннаго цыплятами съ гренками, потомъ для аппетита спросила себѣ фрикасе изъ кролика, куропатки и лягушекъ, а подъ конецъ немного винограду.

Затѣмъ ей больше не хотѣлось кушать.

Меньше всѣхъ ѣлъ Фисташка. Онъ спросилъ себѣ одинъ стручокъ и корочку хлѣба; но все такъ и осталось на тарелкѣ. Голова его была полна мыслями о «Лугѣ чудесъ», онъ думалъ все время о золотыхъ монетахъ.

Послѣ ужина Лисица обратилась къ хозяину трактира:

— Отведите намъ двѣ хорошихъ комнаты; одну для господина Фисташки, другую для меня и моего друга. Прежде чѣмъ отправиться въ дорогу, намъ слѣдуетъ вздремнуть немного. Въ полночь намъ надо идти дальше, не забудьте разбудить насъ.

Не успѣлъ Фисташка лечь въ кровать, какъ тотчасъ же заснулъ, и видитъ сонъ, что онъ стоитъ среди поля, на которомъ много деревьевъ съ золотыми монетами на вѣткахъ, которыя, ударяясь отъ вѣтра другъ о друга, звенятъ: цзинь! цзинь! цзинь! точно напѣваютъ: кто хочетъ денегъ, приходи и насъ срывай! Онъ только что протянулъ руку, чтобъ захватить

«А мои товарищи уже встали?» спросилъ Фисташка.

ихъ въ горсть и положить въ карманъ, какъ вдругъ проснулся отъ стука въ дверь.

Стучалъ хозяинъ гостиницы.

— А мои товарищи ужъ встали? — спросилъ Петрушка.

— Ого! Часа ужъ два, какъ они ушли.

— Отчего такъ рано?

— Кошка получила извѣстіе, что ея старшій котенокъ захворалъ.

— А за ужинъ заплатили?

— Что вы? что вы? Онѣ не хотѣли обидѣть васъ.

— Очень жаль! такую обиду я бы охотно перенесъ, — сказалъ Фисташка, почесывая у себя въ затылкѣ.

— А сказали мои пріятели, гдѣ будутъ ждать меня?

— Да, сказали, — на «Лугу чудесъ», завтра, при восходѣ солнца.

Фисташка заплатилъ за себя и за своихъ товарищей золотую монету, и отправился въ дальнѣйшій путь.

Итти ему пришлось лѣсомъ, почти что ошупью, потому что было такъ темно, что въ двухъ шагахъ онъ ничего не видѣлъ.

Тишина была мертвая, даже шелеста листьевъ не слышать. Изрѣдка ночныя птицы, перелетая черезъ дорогу, задѣвали крыльями за его длинный носъ; онъ съ испугу каждый разъ отскакивалъ назадъ съ невольнымъ крикомъ: «Кто это?» Но только одно эхо откликалось гдѣ-то далеко: кто это?.. кто это?.. кто это?..

13.

Вдругъ Фисташка услышалъ сзади себя легкій шумъ, точно шелестъ листьевъ.

Онъ обернулся и увидѣлъ двѣ закутанныя въ угольные мѣшки темныя фигуры, которыя двигались скачками, едва касаясь носками до земли, точно привидѣнья.

— Разбойники! — мелькнуло у него въ головѣ, и впопыхахъ, не зная, куда спрятать свои четыре золотыхъ монеты, онъ ихъ сунулъ себѣ въ ротъ, подъ языкъ, и бросился бѣжать; но не успѣлъ сдѣлать и двухъ прыжковъ, какъ его сзади схватили за руки, и два страшныхъ, замогильныхъ голоса проговорили:

— Жизнь или кошелекъ! Фисташка не могъ ничего отвѣтить, потому что монеты подъ языкомъ мѣшали ему говорить. Низкими поклонами и жестами онъ старался дать понять этимъ страшнымъ незнакомцамъ, у которыхъ

Разбойники схватили Фисташку за руку.

видны были только глаза черезъ дырочки въ мѣшкахъ, что онъ бѣдный Петрушка и что въ карманѣ у него нѣтъ даже фальшиваго гроша.

— Ну, ну! толкуй тутъ! Безъ всякихъ ужимокъ подавай намъ деньги! — закричали разбойники.

Петрушка руками и головой показавъ, что у него ихъ нѣтъ.

— Подавай намъ деньги, а не то сейчасъ умрешь! — крикнулъ разбойникъ, который былъ выше ростомъ.

— Умрешь! — повторилъ другой.

— Пощадите! — умоляющимъ голосомъ закричалъ Фисташка, и при этомъ монеты звякнули у него во рту.

— А, мошенникъ! деньги у тебя подъ языкомъ! Выплюнь ихъ сейчасъ!

Фисташка сдѣлалъ видъ, что онъ ничего не слышитъ.

— А! ты представляешься глухимъ! Такъ мы заставимъ тебя ихъ выплюнуть.

Съ этими словами одинъ разбойникъ схватилъ его за носъ, а другой за подбородокъ, и давай тянуть во всю мочь, одинъ кверху, другой книзу. Но все было напрасно: ротъ Петрушки точно заколоченъ былъ гвоздями.

Тогда одинъ изъ разбойниковъ, тотъ, который былъ пониже, досталъ ножикъ и пробовалъ просунуть его въ ротъ; Фисташка мгновенно откусилъ ему кисть руки, и выплюнулъ на землю; но — представьте себѣ! — вмѣсто руки это оказалась кошачья лапка.

Ободренный своей побѣдой, онъ сталъ отбиваться и ногами, и руками, и ногтями, и вырвался таки, наконецъ, изъ рукъ разбойниковъ, перескочилъ черезъ изгородь, и пустился бѣжать по полю; а разбойники за нимъ, точно гончія за зайцемъ.

Тѣмъ временемъ стало разсвѣтать, и вдругъ неожиданно передъ собой видитъ онъ широкую яму, полную до краевъ водой.

Что тутъ дѣлать?

— Разъ, два, три! — крикнулъ Петрушка, и съ размаха перепрыгнулъ яму.

Разбойники прыгнули было за нимъ, но не соразмѣрили прыжка и—шлепсъ! полетѣли оба въ воду.

Онъ былъ убѣжденъ, что они долго будутъ барахтаться въ водѣ; каково же было его удивленіе, когда, обернувшись, онъ увидѣлъ ихъ опять сзади себя. По-прежнему они были закутаны въ тѣ же черные мѣшки, только промокшіе насквозь.

14.

Петрушка совершенно упалъ духомъ, и готовъ былъ повалиться на землю и сдаться своимъ врагамъ; но въ испугѣ, осматриваясь по сторонамъ, вдругъ увидалъ вдали, между темной зеленою деревьею, домикъ—бѣлый, точно снѣгъ.

«Если бы у меня хватило силы добѣжать,—мелькнуло въ его головѣ—быть-можетъ, я и спасся бы».

Онъ свернулъ круто въ лѣсъ и сталъ прыгать широкими скачками; а разбойники все сзади, тутъ какъ тутъ.

Только часа черезъ два такой бѣшеной скачки, въ концѣ измученный, онъ добѣжалъ до дверей домика и постучался.

Тогда въ окошкѣ появилась прекрасная дѣвушка съ голубыми волосами и прекраснымъ лицомъ.

— Прекрасная дѣвушка!—воскликнулъ Фисташка — сжался! отопри мнѣ! Пожалѣй несчастнаго мальчика, за которымъ гонятся разб...

Надо вамъ сказать, что дѣвушка съ голубыми волосами была

не кто иная, какъ добрѣйшая Фея, которая уже больше тысячи лѣтъ жила въ этомъ лѣсу.

Разбойники, увидя Фею, остановились, повернулись назадъ и быстро скрылись изъ вида.

Чья-то невидимая рука открыла дверь домика, и Фея промолвила:

— Спасайся, мальчикъ, бѣги въ мой домъ!

Но Фисташка былъ такъ напуганъ, что ужъ едва волочилъ ноги: онъ былъ совсѣмъ боленъ отъ испуга.

Фея взяла на руки Фисташку.

Фея встрѣтила его въ дверяхъ, взяла на руки Петрушку, снесла его въ комнату, всю отдѣланную перламутромъ, положила на кровать.

15.

Фея поцупала Фисташкѣ лобъ и, видя, что у него сильная лихорадка, развела въ полустаканѣ воды какой-то бѣлый порошокъ, подала его ему и ласково сказала:

— Выпей это, и ты выздоровѣешь скоро.

Фисташка посмотрѣлъ на стаканъ, скривилъ ротъ въ сторону

и плаксивымъ голосомъ спросилъ:

— А это сладко или горько?

— Горько. Но зато оно тебѣ поможетъ.

— Если горько, я не буду пить.

— Слушайся меня и пей!

— Горькаго я не люблю!

— Выпей, а потомъ я тебѣ дамъ сахару, чтобы уничтожить горькій вкусъ.

— А гдѣ сахаръ?

— Вотъ онъ, — сказала Фея, доставая золотую сахарницу.

— Впередъ дайте мнѣ сахару, а потомъ я выпью эту горечь.

— Ты обѣщаешь?

— Да!..

Фея дала ему кусочекъ сахарку. Онъ въ одну минуту сгрызъ его и сказалъ, облизывая губы:

— Какъ было бы хорошо, если бы сахаръ былъ лѣкарствомъ!.. Я бы лѣчился каждый день.

— Теперь выпей это, и ты будешь здоровъ. Вѣдь ты же обѣщался.

Фисташка нехоти взялъ стаканъ, сунулъ туда свой носъ, потомъ поднесъ стаканъ ко рту, опять сунулъ въ него носъ и, наконецъ, сказалъ:

— Нѣтъ, это очень горько! Черезчуръ горько! Я не стану пить.

— Какъ ты можешь говорить, что горько, когда самъ даже не пробовалъ?

— Да, ужъ я знаю... Слышу по запаху... Дайте мнѣ еще кусочекъ сахарку, а потомъ я выпью.

Фея терпѣливо, точно добрая мама, положила ему въ ротъ еще кусочекъ, и опять подала стаканъ.

— Значитъ, ты скоро долженъ умереть, потому что не хочешь пить лѣкарство, которое тебя вылѣчитъ отъ лихорадки.

— Фея! Голубушка Фея! Дайте мнѣ скорѣй стаканъ! Умирать я не хочу! Нѣтъ! Совсѣмъ не хочу!

Онъ схватилъ стаканъ обѣими руками и сразу проглотилъ все, что тамъ было.

Надо вамъ сказать, что деревянные маріонетки болѣютъ очень рѣдко, а выздоравливаютъ быстро.

Черезъ нѣсколько минутъ Фисташка вскочилъ съ кровати совсѣмъ здоровый и веселый.

Фея, видя, что онъ весело болтаетъ и бѣгаетъ по комнатѣ, точно молоденькій пѣтушокъ, сказала ему:

— Теперь подойди ко мнѣ и расскажи, какъ ты попалъ въ руки разбойниковъ?

Фисташка рассказалъ Фей все, какъ было и какъ разбойники отнимали у него золотыя монеты.

— А теперь, гдѣ эти монеты? — спросила Фея.

— Я ихъ потерялъ! — почему-то солгалъ Петрушка. — Онѣ были у него въ карманѣ.

Едва успѣлъ онъ это сказать, какъ его носъ выросъ на два пальца.

— А гдѣ ты потерялъ ихъ?

— Недалеко, здѣсь въ лѣсу.

Его носъ сдѣлался еще длиннѣе.

— Если въ этомъ лѣсу, — сказала Фея, — мы ихъ отыщемъ: тамъ никогда ничего не пропадаетъ.

— Ахъ! да, я вспомнилъ, — вдругъ заговорилъ, путаясь, лгунишка: — я не потерялъ ихъ, а проглотилъ нечаянно вмѣстѣ съ тѣмъ лѣкарствомъ.

Тутъ носъ его такъ вытянулся, что онъ не могъ повернуться, не задѣвъ чего-нибудь. Повернется въ одну сторону — задѣнетъ носомъ за кровать; въ другую — ткнетъ имъ въ окошко или въ дверь; подыметъ голову — того гляди, ударитъ Фею по лицу.

Фея смотрѣла на него и хохотала.

— Чего же вы смѣетесь? — сконфуженно и озабоченно спросилъ Петрушка.

— Я смѣюсь тому, что ты такъ лжешь.

— А почему вы знаете, что я солгалъ?

— Ложь узнается сразу. Есть ложь съ короткимъ носомъ и есть ложь съ длиннымъ носомъ. Твоя принадлежитъ ко второму сорту.

Фисташка не зналъ, куда дѣваться отъ стыда. Хотѣлъ бѣжать изъ комнаты, но носъ такъ выросъ, что даже въ дверь не проходилъ!

16.

Фея цѣлыхъ полчаса предоставила Петрушкѣ плакать и сокрушаться объ его ужасномъ носѣ. Сдѣлала она это для того, чтобы онъ сильнѣй почувствовалъ и запомнилъ хорошенько, къ какимъ неприятнымъ послѣдствіямъ приводитъ ложь—самое гадкое качество у нѣкоторыхъ дѣтей.

Но когда она увидѣла, какъ лицо его измѣнилось, а глаза съ отчаянія выкатились чуть не на лобъ, ей стало жаль его и она три раза ударила въ ладоши.

Тотчасъ же черезъ окно влетѣло множество птицъ, которыя зовутся Дятлами. Онѣ усѣлись на носу Фисташки и принялись клевать его такъ дружно, что черезъ нѣсколько минутъ этотъ ужасный длинный носъ сдѣлался такимъ же, какимъ былъ прежде.

— Какъ вы добры, моя дорогая Фея, — сказалъ Петрушка, отирая слезы, — и какъ я васъ люблю!

— Я тоже люблю тебя, и если ты захочешь остаться здѣсь со мной, ты будешь моимъ братцемъ, а я твоей сестрицей.

— Я бы остался, но мой бѣдный папа!..

— Я уже подумала о немъ. Твой отецъ сегодня же будетъ здѣсь.

— Правда? — воскликнулъ Фисташка, запрыгавъ отъ радости.

Носъ у Фисташки страшно вытянулся.

Дорогая Фея! позвольте мнѣ пойти къ нему навстрѣчу! Я не дожусь, когда, наконецъ, обниму моего бѣднаго старичка, который столько за меня перестрадалъ.

— Отчего же! Ступай! Но смотри не заблудись. Иди все лѣсомъ, тамъ ты навѣрно его встрѣтишь.

Фисташка отправился въ дорогу и, не дойдя еще до лѣса, бросился бѣжать, какъ серна. Добѣжавъ до опушки лѣса, онъ остановился—ему показалось, что кто-то есть между кустами.

И, дѣйствительно, вдругъ появились на дорогѣ... Угадайте кто?—Лисица и Кошка. Тѣ самые его пріятели, съ которыми онъ ужиналъ въ гостиницѣ «Красный Ракъ».

— Да, это нашъ дорогой Фисташка! — воскликнула Лисица, бросаясь къ нему на шею и цѣлуя его.—Какъ ты сюда попалъ?

— Это долго рассказывать, — сказалъ Петрушка, — какъ-нибудь я все вамъ расскажу.

— Что же ты тутъ дѣлаешь? — спросила Лисица.

— Я жду моего отца. Онъ долженъ быть здѣсь съ минуты на минуту.

— А гдѣ же твои золотыя монеты?

— У меня въ карманѣ, кромѣ той, что я заплатилъ за васъ въ гостиницѣ.

— И подумать, что изъ этихъ четырехъ монетъ завтра могла бы сдѣлаться тысяча, даже двѣ тысячи! Отчего ты не хочешь послушаться меня, и не посѣешь ихъ на Лугу чудесь?

— Сегодня не могу. Въ другой разъ.

— Другой разъ будетъ поздно!

— Почему?

— Этотъ Лугъ уже купленъ однимъ богатымъ господиномъ и съ завтрашняго дня будетъ запрещено сѣять на немъ деньги.

— А далеко отсюда этотъ Лугъ чудесь?

— Версты двѣ, не больше. Хочешь, такъ пойдемъ.

— Идемъ! Я съ вами! — воскликнулъ Фисташка — и всѣ втроемъ пустились въ путь.

Они шли цѣлые полдня и, наконецъ, пришли къ городу по названью «Грабьдурней».

Пройдя весь городъ и выйдя за городскія ворота, наши путешественники, наконецъ, остановились на

пустынномъ полѣ, какихъ вездѣ бываетъ много.

— Вотъ мы и пришли, — сказала Лисица, — теперь вырой руками въ землѣ ямку и положи въ нее твои монеты.

Петрушка такъ и сдѣлалъ: онъ вырылъ ямку, положилъ туда четыре монеты и засыпалъ ихъ землей.

— Теперь, — сказала Лисица, — ступай къ водоему, вонъ тамъ, недалеко, зачерпни ведро воды и полей то, что ты посѣялъ.

У Фисташки не было ведра, поэтому онъ снялъ одну изъ туфель, зачерпнулъ воды и полилъ это мѣсто; потомъ спросилъ Лисицу:

— Больше ничего?

— Ничего. Теперь мы можемъ уходить. Минутъ такъ черезъ двадцать ты вернешься, и увидишь на этомъ мѣстѣ дерево, а на его вѣтвяхъ много-много золотыхъ монетъ.

Бѣднякѣ Петрушка вѣкъ себя отъ радости разсыпался въ благодарностяхъ, обѣщая Лисицѣ и Кошкѣ самые роскошные подарки.

И онѣ, пожелавъ ему хорошій урожай, пошли дальше по своимъ собственнымъ дѣламъ.

17.

Вернувшись въ городъ, Петрушка съ нетерпѣніемъ отсчитывалъ минуту за минутой, и, наконецъ, когда пришло назначенное время, направился къ Лугу чудесь.

Онъ шелъ быстрыми шагами, сердце его сильно билось: тикъ-такъ, тикъ-такъ! — точно маятникъ у большихъ стѣнныхъ часовъ; а голова была полна самыхъ пріятныхъ мыслей.

Мечтая, такимъ образомъ, онъ дошелъ до Луга и сталъ искать, гдѣ выросло дерево съ монетами, но ничего подобнаго ни-

Лисица бросилась на шею Фисташкѣ.

гдѣ не было видно. Прошелъ еще шаговъ сотню—не видать; подошелъ къ ямкѣ, куда зарылъ монеты—нѣтъ ничего.

Онъ задумался, вынулъ руку изъ кармана и сталъ чесать себѣ.

Потомъ онъ вдругъ бросился на землю и съ остервенѣніемъ сталъ разрывать руками то мѣсто, недавно поливалъ. Рылъ, рылъ—вырылъ такую яму, что могъ самъ весь помѣститься тамъ, а денегъ нѣтъ, какъ нѣтъ.

Въ отчаяньи, сообразивъ, что его обворовали, онъ бросился бѣжать.

18.

Погода стояла дождливая, дорога стала сплошной грязью; но Петрушка не обращать на это никакого вниманія.

Сгорая желаніемъ скорѣй увидѣть своего отца и сестрицу съ голубыми волосами, онъ бѣжалъ широкими прыжками, точно гончая собака, и комки грязи облѣпляли его съ головы до ногъ, а самъ онъ думалъ въ это время:

— Сколько мнѣ пришлось вынести!.. Но своимъ упрямствомъ я заслужилъ все это.

— Мнѣ всегда хочется дѣлать все по-своему, не слушая тѣхъ, кто меня любить и умиѣй меня. Теперь я переѣмлюсь, буду послушнымъ и исправнымъ, потому что понимаю, какъ легко непослушные ребята попадаютъ впросякъ. А отецъ, небось, меня жаждался!.. Какъ давно мы не видались! Меня такъ тянетъ ласкать и цѣловать его... А простить ли еще мнѣ Фея?..

Дорогой ему захотѣлось ѣсть, и онъ, не задумавшись, перепрыгнулъ черезъ канаву въ поле, чтобы нарвать немного винограда.

Только что онъ подошелъ къ виноградному кусту, вдругъ—

трахъ!—ноги его оказались стиснуты двумя желѣзными полосами такъ сильно, что изъ глазъ посыпались искры.

Несчастный попалъ въ капканъ, который фермеръ поставилъ для кунницъ.

Можете себѣ представить, какъ сталъ плакать, кричать и корчиться Фисташка; но все было напрасно,—вблизи не было жилья, а на дорогѣ ни одной живой души.

Тѣмъ временемъ стемнѣло.

Частію отъ боли, которую причинялъ капканъ, стискивая ему ноги, частію изъ страха быть ночью одному, Петрушка чуть не падалъ въ обморокъ.

Вдругъ послышался шумъ приближавшихся шаговъ. Это шелъ хозяинъ поля посмотреть, не попала ли въ капканъ кунница, которая по ночамъ поѣдала его куръ.

Каково было его удивленіе, когда, при свѣтѣ фонаря, который онъ несъ подъ своей полой, предъ его глазами вмѣсто кунницы оказался мальчикъ.

— А, ворюшка!—крикнулъ взбѣшенный фермеръ.—Такъ это ты таскаешь моихъ куръ?

— Нѣтъ, не я! не я!—съ рыданіемъ закричалъ Фисташка.—Я зашелъ сюда, чтобы только сорвать двѣ вѣтки винограда.

— Кто воруетъ виноградъ, можетъ и курицу украсть! Я такъ проучу тебя, что ты долго не забудешь!

Онъ открылъ капканъ, взялъ Петрушку за шиворотъ и спесъ его домой, точно двухнедѣльнаго щенка.

На гумнѣ, около дома, онъ его бросилъ на землю, прижалъ ногой и говоритъ:

— Теперь ужъ поздно, мнѣ спать пора, а сосчитаюсь я съ тобою завтра! Такъ какъ моя собака издохла, ты будешь сторожить вмѣсто нея.

Сказано—сдѣлано. Онъ надѣлъ ему ошейникъ, и крѣпко затянулъ его, чтобъ невозможно было снять, а цѣпь отъ ошейника была прикрѣплена къ стѣнкѣ конуры.

— Если ночью пойдетъ дождикъ, ты можешь спрятаться въ эту конуру, гдѣ осталась еще солома, на которой раньше спала

«Ты можешь спрятаться въ конуру»,
сказалъ фермеръ.

моя собака. Если же ты замѣтишь вора,—смотри! сейчасъ же лай.

Сдѣлавъ это наставленіе, фермеръ вошелъ въ домъ и заперъ за собою дверь; а бѣдный Фисташка остался на гумнѣ полуживой отъ холода, голода и страха. Порой онъ хватался за ошейникъ, давившій ему горло, и со слезами приговаривалъ:

— И подѣломъ мнѣ!.. Я заслужилъ все это!.. Хотѣлъ дѣлать все по-своему, сталъ бродягой!.. вотъ за то теперь наказанъ.

Облегчивъ себя немного этимъ разсужденіемъ, Петрушка полѣзъ на четверенькахъ въ конуру и тамъ заснулъ.

Фисташка сладко спалъ ужъ часа два подъ рядъ, какъ вдругъ около полуночи сквозь сонъ ему послышался чей-то шопотъ.

Высунувъ кончикъ носа изъ собачьей конуры, онъ увидѣлъ четырехъ маленькихъ, темненькихъ звѣрьковъ, что-то въ родѣ кошекъ, собравшихся точно на совѣтъ.

Это были куницы, очень любящія виноградъ и цыплятъ.

Отъ этой группы отдѣлилась одна куница и подошла къ конуркѣ.

— Здравствуйте, Барбось!

— Я не Барбось.

— А кто же ты?

— Я Фисташка.

— Какъ же ты попалъ въ эту конуру?

— Я помещенъ сюда вмѣсто цѣпной собаки.

— А гдѣ же старенькій Барбось? Вѣдь это его будка.

— Прошлымъ утромъ онъ издохъ.

— Издохъ?.. Ахъ, бѣдняжка!.. Такой хорошій, добрый! Но, судя по наружности, и ты,

должно-быть, добрый песъ.

— Извините, я не собака.

— А кто же ты?

— Я Петрушка.

— Ну, хорошо! Коли такъ, я тебѣ предлагаю тотъ же договоръ, который былъ у насъ съ Барбосомъ. Ты останешься доволенъ.

— Какой же это договоръ?

— Разъ въ недѣлю мы будемъ попрежнему навѣщать вашъ птичникъ и уносить съ собою семь цыплятъ. Изъ нихъ шестерыхъ съѣдимъ мы сами, а седьмого отдадимъ тебѣ, но только съ тѣмъ, конечно, что ты будешь представляться спящимъ, и не станешь лаять и мѣшать намъ. Ты согласенъ?

— Еще бы! — отвѣчалъ Петрушка съ такимъ видомъ, будто хотѣлъ сказать: посмотримъ, какъ это все удастся вамъ!

Куницы пошли одна за другой въ птичникъ, который былъ близехонько отъ конуры, быстро открыли зубами и когтями дверку и прошмыгнули внутрь одна вслѣдъ за другой. Не успѣли онѣ туда войти, какъ дверка вдругъ захлопнулась за ними.

Захлопнулъ ее Фисташка, и не только захлопнулъ, но еще привалилъ снаружи камнемъ. Потомъ сталъ лаять, точно настоящая собака.

На этотъ лай проснулся фермеръ, схватилъ ружье и спросилъ черезъ окошко:

— Что случилось?

— Воры! — отвѣчалъ Фисташка.

— Гдѣ они?

— Да въ птичникѣ.

Черезъ секунду фермеръ быстро выбѣжалъ на дворъ и прямо въ птичникъ. Тамъ онъ поймалъ четырехъ куницъ, сунулъ ихъ всѣхъ въ мѣшокъ и съ удовольствіемъ проговорилъ:

— Наконецъ-то вы попались мнѣ!

Подойдя потомъ къ Фисташкѣ, онъ ласково спросилъ его:

— Какъ ты поймалъ этихъ ворюшекъ?

Петрушка рассказалъ все, что узналъ о позорномъ договорѣ между собакой и куницами.

— Молодецъ! — воскликнулъ фермеръ, хлопнувъ его по плечу. — Это дѣлаетъ тебѣ честь! и вотъ, чтобы доказать тебѣ, что я цѣню такія чувства, можешь сейчасъ идти къ себѣ домой.

И онъ снялъ съ него ошейникъ.

20.

Какъ только Фисташка освободился отъ тяжелаго, ошейника, онъ пустился бѣ-

жать по полю, не останавливаясь ни на секунду, пока не добѣжалъ до поворота къ домику Феи.

Тутъ онъ сталъ осматриваться: увидѣлъ лѣсокъ, гдѣ на его несчастіе встрѣтился съ Лисицей и Кошкой, но сколько ни смотрѣлъ во всѣ стороны, нигдѣ не было видно домика прекрасной Дѣвушки съ голубыми волосами.

Грустное предчувствіе овладѣло имъ. Онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ на томъ самомъ лу-гу, гдѣ стоялъ прежде бѣлый домикъ. Но его теперь уже не было, а на его мѣстѣ лежала мраморная плита, на которой была слѣдующая печальная надпись:

Здѣсь покоится

*Дѣвушка съ голубыми волосами,
умершая отъ горя, потому
что ее покинулъ ея братецъ
Фисташка.*

Что сдѣлалось съ Петрушкой, когда кое-какъ, по складамъ, онъ разобралъ эту надпись, предоставляю вамъ судить самимъ.

Онъ упалъ, какъ подкошенный, на землю, сталъ цѣловать этотъ камень и залился слезами. Всю ночь онъ плакалъ. Настало утро, а онъ все плакалъ, хотя, казалось, ужъ выплакалъ всѣ слезы. И од-

Фисташка плакалъ всю ночь.

но только эхо въ сосѣднихъ горахъ отзывалось на раздражающіе душу его стоны и рыданія.

Въ это время пролеталъ громадный Голубь. Распустивъ крылья, онъ задержался въ воздухѣ, и крикнулъ съ высоты:

— Эй, мальчикъ! что ты тутъ дѣлаешь?

— Развѣ не видишь, — плачу! — отвѣчалъ Фисташка, поднявъ голову и утирая слезы рукавомъ.

— Слушай, — продолжалъ Голубь, — не знакомъ ли ты съ одной изъ вашихъ маріонетокъ, по имени Фисташка?

— Фисташка?.. ты сказалъ Фисташка?.. — крикнулъ Петрушка, вскочивъ съ земли. — Фисташка — это я!

Голубь быстро спустился внизъ. Это была очень большая птица, чуть не больше индюка.

— Ты, можетъ-быть, знаешь и Джепетто? — спросилъ онъ Петрушку.

— Какъ мнѣ его не знать! Это мой отецъ! Не спрашивалъ ли тебя онъ про меня? Ты, можетъ-быть, сведешь меня къ нему? — Живъ онъ еще? Говори же скорѣе, умоляю! Онъ живъ еще?

— Три дня тому назадъ я его видѣлъ на берегу моря.

— А что онъ дѣлалъ?

— Онъ оснащалъ лодку, чтобы плыть черезъ Океанъ. Несчастный старикъ больше четырехъ мѣсяцевъ ищетъ тебя по всему свѣту, и, нигдѣ не находя, собрался отправиться за Океанъ, не найдеть ли тебя тамъ.

— А далеко отсюда море? — быстро спросилъ Петрушка.

— Болѣе, чѣмъ тысяча верстъ. Если хочешь, я тебя туда доставлю.

— Но какъ?

— Верхомъ на мнѣ. Ты не тяжель?

— Я? Наоборотъ. М легче перышка!

Въ тотъ же мигъ Петрушка вскочилъ на спину Голубя и усялся на него верхомъ.

Голубь взвился вверхъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ подъ облаками.

Съ этой высоты Петрушка взглянулъ внизъ, на землю, и у него закружилась голова; чтобы не упасть, онъ ухватился крѣпко-накрѣпко за шею своего пернатого коня и такъ они летѣли цѣлый день.

Подъ вечеръ Голубь говоритъ:

— Что-то пить мнѣ захотѣлось.

— А мнѣ поѣсть! — сказалъ Петрушка.

— Остановимся на нѣсколько минутъ на этой голубятнѣ; а тамъ опять въ дорогу, и завтра на зарѣ мы будемъ на берегу моря.

Они вошли въ пустую голубятню, гдѣ только и было, что плошка съ водой да корзина съ варенымъ горохомъ.

Петрушка ѣлъ его со вкусомъ, и когда почти опустошилъ корзину, то сказалъ Голубю:

— Я никогда не думалъ, что горохъ такъ вкусенъ.

— Когда нѣтъ ничего другого, горохъ становится превкуснымъ; голодь не разборчивъ на ѣду, — отвѣтилъ ему Голубь.

Отдохнувъ немного, они пустились въ путь, и утро застало ихъ на берегу моря.

Здѣсь они спустились внизъ. Петрушка соскочилъ на землю и хотѣлъ было благодарить; но Голубь быстро поднялся опять, и исчезъ подъ облаками.

Весь берегъ былъ полонъ народа. Всѣ глядѣли на море, кричали, махали руками.

— Что такое тутъ случилось? — спросилъ Петрушка у одной старушки.

— Случилось то, что одинъ несчастный отецъ потерялъ своего сына и поплылъ теперь на лодкѣ за море искать его; а мо-

ре сегодня очень бурно, и лодка, того гляди, потонетъ...

Фисташка всмотрѣлся и вдругъ закричалъ:

— Это папа! Это папа!

Лодку кидало во все стороны по бѣшеннымъ волнамъ. Она то исчезала въ пучинѣ, то опять поднималась на гребень волнъ.

Фисташка, стоя на скалѣ, не переставалъ звать своего папу, махалъ руками, платкомъ и даже шляпой.

Вдругъ налетѣла громадная волна, и лодка скрылась. Все на берегу замерли и ждали, когда она появится опять... но лодка исчезла навсегда.

— Несчастный! — со вздохомъ проговорили рыбаки и, прочитавъ про себя молитву, стали расходиться по домамъ.

Тутъ послышался вдругъ отчаянный крикъ.

Все обернулись и увидѣли, какъ со скалы бросился въ воду мальчикъ съ крикомъ:

— Я спасу моего папу!

Фисташка, какъ вы знаете, былъ сдѣланъ весь изъ дерева, поэтому легко держался на водѣ и плавалъ, точно рыба.

Онъ то исчезалъ въ волнахъ, то опять появлялась надъ водой его рука или нога, а тѣмъ временемъ онъ все болѣе удалялся отъ земли.

21.

Фисташка, въ надеждѣ спасти своего отца, плылъ безъ остановки всю ночь.

И какая ужасная была эта ночь! Проливной дождь, градъ, страшный громъ и молніи, освѣщавшая точно огнемъ весь небо-склонъ.

Подъ утро невдалекѣ показалась полоса земли. Это былъ островъ.

Фисташка напрягалъ все свои силы, чтобы доплыть до берега, но волны, взгромождаясь другъ

Фисташка вѣчно въ на снѣгу Голубя.

на друга, зарывали его въ воду точно щепку. Наконецъ на его счастье, громадная волна своей могучей силой выбросила его далеко на песокъ отлогатаго берега.

Мало-по-малу начало проясняться; солнце показалось во всемъ блескѣ; море успокоилось и стало гладкимъ, какъ зеркало.

Петрушка разостлалъ сушить свою одежду и сталъ зорко вглядываться во все стороны, не увидитъ ли гдѣ, среди необъятнаго моря, маленькой лодочки съ маленькимъ человѣчкомъ; но сколько ни напрягалъ онъ зрѣніе, видны были только небо да вода и лишь изрѣдка вдаль корабль, казавшійся издали меньше мухи.

— Хоть бы мнѣ узнать, — говорилъ онъ самъ себѣ, — какъ называется этотъ островъ и какіе люди здѣсь живутъ: добрые или такіе злые. Но кого тутъ спросишь? Не видно ни души.

Мысль, что онъ одинъ одинешенекъ среди этого пустынного острова, ужасно сокрушала его, онъ чуть не плакалъ.

Но вотъ недалеко отъ берега появилось что-то въ родѣ большой рыбы. Она спокойно плыла, выставивъ свою голову наружу изъ воды.

Петрушка крикнулъ во всю глотку, чтобы ей было слышно:

— Госпожа рыба! послушайте меня! Позвольте вамъ сказать два слова?

— Отчего же! хотя бы три, — отвѣчалъ Дельфинъ.

— Не будете ли вы любезны мнѣ сказать, нѣтъ ли на этомъ островѣ жилья, гдѣ бы можно было чего-нибудь поѣсть, не рискуя самому быть съѣденнымъ.

— Понятно есть! даже очень недалеко.

— А какъ туда пройти?

— Ступай по тропинкѣ, которая видна налѣво, и иди все прямо вслѣдъ за своимъ носомъ. Заблудиться невозможно.

Петрушка наскоро сталъ напяливать свою мокрую одежду и вѣжливо раскланялся съ Дельфиномъ.

— До свиданья, госпожа почтеннѣйшая рыба. Благодарю васъ за вашу милость и любезность! — И пошелъ къ тропинкѣ быстрыми шагами.

Черезъ полчаса показался городокъ «Трудящіяся пчелы».

Улицы кишѣли бѣгавшимъ по своимъ дѣламъ народомъ — всѣ работали, у каждаго было свое дѣло. Днемъ со свѣчкой тамъ не найти празднаго человѣка.

«Я вижу — подумалъ Фисташка, — это мѣсто мнѣ не подходящее: я для работы не годюсь».

Между тѣмъ его началъ мучить голодъ — вѣдь прошло больше сутокъ, что онъ ничего рѣшительно не ѣлъ.

— Что тутъ дѣлать?

Чтобы поѣсть, надо было выбирать одно изъ двухъ: или искать работы или просить подаянья.

Просить милостыню ему было стыдно. Отецъ его всегда училъ, что протягивать руку, просить ради Христа имѣютъ право только старые да больные. Всѣ остальные должны работать; а если не работаютъ и голодаютъ, то сами виноваты.

Въ это время какой-то человѣкъ, запыхавшись, весь въ поту, тащилъ за собой двѣ тѣлѣжки съ углемъ.

Фисташка, которому онъ показался добрымъ, подошелъ къ нему и, опустивъ глаза, тихо попросилъ:

— Будьте жалостливы, дайте мнѣ копеечку — я умираю съ голоду.

— Не только копеечку, — отвѣчалъ угольщикъ, — я тебѣ дамъ цѣлый пятачокъ, если ты мнѣ поможешь довести до дому эти двѣ тѣлѣжки съ углемъ.

— Это мнѣ даже очень странно! — что же, я, по-вашему, оселъ, чтобы запрягать меня въ тѣлѣжку? — сказалъ обиженно Петрушка.

— Какъ тебѣ угодно! если ты помираешь съ голоду, а самъ преисполненъ гордости, такъ и будь ей сытъ. Только смотри, чтобы животъ не разболѣлся отъ такой тяжелой пищи!

Немного погодя, прошелъ каменщикъ съ корзиной известки за спиной.

— Не дадите ли, добрый человѣкъ, копеечку бѣдному мальчику, у котораго отъ голода судороги въ желудкѣ?

— Отчего же? Пойдемъ носить со мной известку, — отвѣчалъ каменщикъ, — и вмѣсто одной копейки я дамъ тебѣ всѣ пять.

— Но вѣдь известка тяжела, а мнѣ нѣтъ охоты уставать, — возразилъ Фисташка.

— Если тебѣ нѣтъ охоты устывать, такъ и ходи съ пустымъ желудкомъ.

Меньше чѣмъ въ полчаса прошло челоуѣкъ двадцать. Фисташка просилъ у всѣхъ, но всѣ ему отвѣчали въ томъ же родѣ.

Наконецъ ему встрѣтилась женщина съ двумя кувшинами воды.

— Позвольте, добрая дама, выпить два глотка изъ вашего кувшина? — попросилъ Петрушка, котораго и жажда стала мучить.

— Отчего же, мальчикъ, пей! — сказала женщина, поставивъ на землю оба кувшина.

Фисташка началъ пить, насосался, точно губка и, утирая ротъ рукой, промолвилъ:

— Болѣе меня не мучить жажда, вотъ если бы и голодъ утолить!

— Если ты снесешь ко мнѣ одинъ кувшинъ, — сказала добрая женщина, — я дамъ тебѣ краюшку хлѣба.

Петрушка посмотрѣлъ на кувшинъ и не сказалъ ни да ни нѣтъ.

— Кромѣ хлѣба, ты получишь цвѣтной капусты съ масломъ.

Петрушка посмотрѣлъ опять на кувшинъ и промолчалъ.

— А потомъ я дамъ тебѣ еще конфетку.

Тутъ онъ не выдержалъ и рѣшительно сказалъ:

— Ладно! я снесу вамъ этотъ кувшинъ.

Кувшинъ былъ очень тяжелъ; у Фисташки не хватало силы нести его въ рукахъ и пришлось поставить на голову.

Придя домой, добрая женщина посадила Петрушку за столъ и положила предъ нимъ хлѣбъ, цвѣтную капусту и конфетку.

Фисташка, можно сказать, не ѣлъ, а обжирался. Точно у него въ желудкѣ ничего не было цѣлые полгода.

Фисташка подошелъ къ угольнику.

Утоливъ первый голодъ, онъ взглянулъ на свою благодѣтельницу и невольно вскрикнулъ отъ удивленія: «А-а-а!..» да такъ и застылъ въ изумленіи, выпуча глаза, съ полнымъ ртомъ хлѣба и цвѣтной капусты, держа вилку въ воздухѣ.

— Что тебя такъ удивило? — спросила добрая женщина.

— Да то, — пробормоталъ Фисташка, — то... то... что вы очень похожи... вы мнѣ напоминаете... да, да... тотъ же голосъ... тѣ же глаза... тѣ же волосы...

— О дорогая Феюшка! Феюшка моя! Скажите, это вы? Вѣдь правда, это вы? Не заставляйте меня плакать! Если бы вы знали!.. Я столько плакалъ!.. я такъ страдалъ!..

Съ этими словами Фисташка, весь въ слезахъ, опустился на полъ и сталъ обнимать колѣни таинственной женщины.

Сначала добрая женщина увѣряла, что она не Фея съ голубыми волосами; но, видя, что болѣе скрываться бесполезно, созналась, что, дѣйствительно, это она.

— Скажи мнѣ, Фея, значить это не была правда, что ты умерла?

— Кажется, что такъ, — отвѣчала, улыбаясь, Фея.

— Если бы ты знала, какъ мнѣ стало больно, тяжело, какъ схватило что-то въ горлѣ, когда я прочиталъ: «Здѣсь покойся»...

— Я это знаю, потому-то и простила все тебѣ. По твоему искреннему горю я поняла, что у тебя добренькое сердце. Отъ мальчика же съ добрымъ сердцемъ, даже если онъ шалунъ и дѣлаетъ все, что ему взбредетъ въ голову, всегда можно ожидать хорошаго. Вотъ поэтому-то я и отыскала тебя здѣсь. Теперь я буду твоей мамой.

— О, какая радость! — воскликнулъ Фисташка и весело запрыгалъ.

— Ты слушайся меня и дѣлай все, что я тебѣ скажу.

— Отъ всего сердца! отъ всего сердца!

— Завтра же ты пойдешь въ школу.

Фисташка сталъ ужъ не такъ веселъ.

— Потомъ выберешь по твоему вкусу какое-нибудь ремесло.

Фисташка сдѣлался серьезнымъ.

— Что ты такое бормочешь про себя?

— Я говорю, — пробурчалъ вполголоса Петрушка: — ужъ не поздно ли мнѣ начинать учиться!

— Никоимъ образомъ. Учиться никогда не поздно.

— Но я не хочу учиться ремеслу!

— Почему?

— Потому, что это трудно.

— Слушай, мальчикъ, — сказала Фея, — и запомни это: всякій человекъ, родился ли онъ богатымъ или бѣднымъ, всегда долженъ что-нибудь дѣлать—либо учиться, либо работать. Бѣда при-
выкнуть ничего не дѣлать! Празд-

ность очень гадкая болѣзнь и надо лѣчить ее съ самаго начала, съ дѣтства. Послѣ, когда ты вырастешь, будетъ уже поздно.

Слова эти задѣли Петрушку за живое.

Онъ быстро поднялъ голову и проговорилъ:

— Я буду учиться, буду работать, буду дѣлать все, что ты мнѣ скажешь, потому что быть Петрушкой мнѣ очень надоѣло и я хочу непременно сдѣлаться настоящимъ мальчикомъ. Ты вѣдь мнѣ это обѣщала? Не правда ли?

— Я тебѣ обѣщала, и теперь все зависитъ только отъ тебя.

23.

На другой день Фисташка отправился въ школу.

Можете себѣ представить, что тамъ произошло при его появленіи! — Поднялся шумъ, гамъ и смѣхъ. Каждому хотѣлось позабавиться надъ нимъ. Кто тащилъ изъ его рукъ колпакъ; кто его дергалъ сзади; кто старался мазнуть чернилами подъ носомъ; кто подвязывалъ веревочки къ его ногамъ, чтобы, дергая ими, заставить его танцевать. А одинъ изъ нихъ, болѣе дерзкій, чѣмъ другіе, протянулъ даже руку, чтобы схватить за его длинный носъ; но Фисташка подъ партой такъ пырнулъ его носкомъ, что тотъ невольно вскрикнулъ: «ой! какая жесткая нога!» и сталъ тереть ушибленное мѣсто.

— Вотъ такъ колѣно!.. еще жестче, чѣмъ нога! — крикнулъ другой, которому досталось по животу колѣномъ.

Мало-по-малу товарищи поняли, что съ Фисташкой шутить нельзя и приняли его въ свою компанію.

Учитель былъ доволенъ имъ: Фисташка былъ всегда внимателенъ, прилеженъ, понятливъ; первымъ былъ на мѣстѣ и послѣднимъ уходилъ послѣ урока.

Но воть однажды, идя въ школу, онъ встрѣтилъ на дорогѣ цѣлую гурьбу пріятелей.

— Знаешь новость? — заговорили они сразу.

— Какую? Нѣтъ.

— Недалеко отсюда, въ морѣ, появилась акула величиной чуть ли не съ гору.

— Мы всѣ идемъ на берегъ смотрѣть ее. Пойдемъ.

— Нѣтъ, мнѣ надо въ школу.

— Охота! Въ школу мы пойдемъ всѣ вмѣстѣ завтра. Однимъ урокомъ больше или меньше, все равно мы останемся такими же ослами.

— Знаете, что я сдѣлаю, — сказалъ Фисташка, — по моимъ соображеніямъ мнѣ необходимо посмотрѣть акулу... но только послѣ школы.

— Дуракъ ты и болванъ! — воскликнулъ одинъ школьникъ. — Что же ты думаешь, что такая громадная рыба будетъ ждать, когда тебѣ угодно будетъ пожаловать смотрѣть ее? Какъ только ей надоѣстъ быть здѣсь, она вильнетъ хвостомъ и поминай, какъ звали, — кто ее засталъ, тотъ только и видѣлъ.

— А далеко до берега? — спросилъ Петрушка.

— Мы вернемся черезъ часъ.

— Коли такъ — впередъ! посмотримъ, кто первый добѣжитъ!

По этому призыву вся гурьба шалуновъ съ книгами и тетрадями въ рукахъ пустилась бѣжать вдоль поля, а Фисташка впереди, точно у него выросли крылья на ногахъ.

Отъ времени до времени онъ оборачивался и потѣшался надъ пріятелями, которые начинали отставать, запыхались, и были всѣ въ пыли отъ этой бѣготни.

24.

Прибѣжавъ на берегъ, Фисташка быстро осмотрѣлся, но акулы нигдѣ не было видно. Море было гладко, какъ зеркало.

— А гдѣ же акула? — спросилъ онъ своихъ товарищей.

— Отправилась, должно-быть, завтракать, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— А возможно, что прилегла уснуть, — прибавилъ, смѣясь, другой.

По этимъ отвѣтамъ и по ихъ глупому смѣху Фисташка понялъ, что надъ нимъ сыграли шутку. Это его задѣло за живое, и онъ сталъ браниться.

— Эй! Фисташка! — крикнулъ, наступая на него самый большой мальчикъ. — Не очень-то!.. Если ты не боишься насъ, такъ мы тебя еще менѣе! Ты одинъ, а насъ здѣсь семеро!

И при этомъ онъ далъ ему тумака въ голову.

Фисташка былъ ужъ наготовѣ и отвѣтилъ тоже тумакомъ. Посыпались удары, и драка стала общей.

Фисташка одинъ противъ всѣхъ защищался, какъ герой. Своими деревянными ногами онъ такъ работалъ, что не подпускалъ близъ

Вся гурьба шалуновъ пустилась бѣжать.

Мальчики страшно испугались.

ко никого, а тѣмъ, кто подсказывалъ, оставлялъ здоровый синякъ на память.

Мальчикамъ стало досадно, что они не могутъ схватиться въ рукопашную, и они начали поражать его издалека: изъ ихъ сумокъ полетѣли азбуки, грамматики, книги для чтенія и другія школьныя пособія. Но Петрушка былъ увертливъ, такъ что все это перелетало черезъ него и валилось въ море.

Вообразите, что стало съ рыбами. Думая, что это что-нибудь съѣстное, онѣ набросились со всѣхъ сторонъ; но, попробовавъ какой-нибудь листокъ, оглавленіе или заглавную страницу, тотчасъ съ гримасой выплевывали, точно говорили: «Нѣтъ, намъ это не по вкусу, мы привыкли ѣсть вкуснѣй».

Въ самый разгаръ битвы изъ воды вылѣзъ большой крабъ и, медленно ползя по песку, вдругъ заоралъ, точно изъ охотничьей трубы:

— Остановитесь, негодные шалуны! Такія драки рѣдко кончаются добромъ.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Фисташка крикнулъ ему:

— Полно тебѣ каркать! Лучше полѣчись—ты совсѣмъ охрипъ! Лягъ въ кровать и пропотѣй!

Мальчики перебросали все, что у нихъ было, и схватились за связку книгъ Петрушки.

Между ними былъ толстый, тяжелый томъ въ кожаномъ переплетѣ.

Одинъ изъ драчуновъ нацѣлился этой книгой въ голову Фисташки и швырнулъ ею во всю мочь, что было силы.

Въ Петрушку, однако, онъ не попалъ, а попалъ въ високъ одного изъ своихъ товарищей. Этотъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и повалился на песокъ.

Мальчики страшно испугались и со всѣхъ ногъ побѣжали въ разсыпную—кто куда. Черезъ минуту на берегу никого изъ нихъ не оставалось.

Фисташка не убѣжалъ, хоть и помертвѣлъ съ испугу; но подбѣжалъ скорѣе къ морю, намочилъ платокъ и сталъ его прикладывать къ виску своего несчастнаго товарища.

Въ то время, какъ Фисташка плакалъ, приговаривалъ, билъ себя кулакомъ по головѣ, слышались шаги. Онъ обернулся и увидѣлъ двухъ жандармовъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? Зачѣмъ валяешься здѣсь на песокѣ?—спросили они его.

— Я помогаю своему товарищу.

— Что съ нимъ такое? Ему дурно?

— Кажется, что такъ...

— Мало того, что дурно,—сказалъ одинъ изъ жандармовъ, наклоняясь и осматривая Женю,— у него рана на вискъ. Кто его ранилъ?

— Не я, — пробормоталъ Фисташка, у котораго замерло отъ страха сердце.

— Если не ты, то кто же?

— Не я, — только могъ повторить Фисташка.

— А чѣмъ его ушибли?

— Вотъ этой книгой.—И онъ поднялъ свой толстый, тяжелый томъ и подалъ его жандармамъ.

— Чья это книга?

— Моя.

— Чего жъ тутъ толковать!

Жандармы крикнули рыбаковъ, которые недалеко плыли въ лодкѣ, и поручили Женю ихъ заботамъ.

— Вотъ этотъ мальчикъ раненъ въ голову. Снесите его къ себѣ домой и помогите, чѣмъ возможно.

Потомъ поставили Фисташку между собой, и скомандовали по-солдатски:

— Маршъ, впередъ!

Петрушка не заставилъ себѣ повторять это приказанье и зашагалъ грустно по тропинкѣ. Бѣдняжка ничего не могъ сообразить. Ему все это казалось сномъ и очень гадкимъ сномъ. Онъ ничего не понималъ: въ глазахъ двоилось, ноги дрожали, языкъ присохъ—онъ не былъ въ силахъ вымолвить ни слова.

Они вошли ужъ въ городокъ, какъ вдругъ порывомъ вѣтра сорвало съ Фисташки шапку.

— Позвольте мнѣ,—сказалъ онъ жандармамъ,— пойти поднять ее?

— Ступай, но только поскорѣе.

Петрушка пошелъ, поднявъ свой колпакъ... но вмѣсто того, чтобы надѣть его на голову, захватилъ зубами и бросился бѣжать назадъ, къ берегу моря.

Жандармы, сообразивъ, что у нихъ не хватитъ силъ его догнать, пустили по его слѣдамъ собаку изъ породы договъ, которая на всѣхъ собачьихъ скачкахъ прибѣгала всегда первой.

Эта отчаянная гонка заинтересовала всѣхъ. Прохожіе останавливались на дорогѣ, чтобы посмотрѣть, кто одолѣетъ; даже изъ оконъ повывывались головы любопытныхъ.

Но видѣть, чѣмъ разрѣшится эта гонка никому не удалось, потому что собака и Фисташка подняли такую пыль, что ихъ совсемъ въ этомъ облакѣ не стало видно.

«Маршъ, впередъ!» скомандовали жандармы.

Фисташка думалъ, что онъ погибъ.

Во время этого бѣшеннаго бѣга была одна минута, когда Фисташка думалъ, что онъ уже погибъ. Догоняй (такъ звался бульдогъ) почти нагналъ его.

Фисташка уже слышалъ за собой горячее его дыханье; но, по счастью, море было въ нѣсколькихъ шагахъ.

Петрушка на бѣгу сдѣлалъ скачокъ, точно лягушка, и прыгнулъ прямо въ воду.

Догоняй, наоборотъ, хотѣлъ остановиться, но отъ сильнаго разбѣга не могъ сдержать себя и тоже шлепнулся за нимъ.

Къ несчастью, онъ не умѣлъ плавать, и безпомощно болталъ ногами, чтобы какъ-нибудь удержаться на поверхности воды; но это мало помогало, и онъ началъ уходить въ воду съ головой.

Кое-какъ высунувъ морду изъ воды съ испуганными, полуослѣпшими глазами бѣдная собака стала лаять и кричать:

— Помоги мнѣ! Спаси меня, а то я утону!

Слыша эти раздрающіе крики, Петрушка, у котораго было очень добренькое сердце, сжалился и закричалъ собакѣ:

— Если я помогу тебѣ, ты обещаешься меня не трогать?

— Обещаюсь, обещаюсь! Только торопись, а то я захлебнусь совсѣмъ.

Однако Фисташка не рѣшался. Но, вспомнивъ, какъ отецъ ему не разъ говаривалъ, что не надо никогда упускать случая дѣлать добро, поплылъ прямо къ Догоняю, схватилъ его рукой за хвостъ, и вытащилъ живымъ и невредимымъ на песчаный берегъ.

Бѣдная собака еле держалась на ногахъ; она столько наглоталась морской воды, что животъ ея раздулся, точно шаръ.

Фисташка, все еще не вполне ей довѣряя, для большей безопасности прыгнулъ опять въ воду и, отплывъ отъ берега, громко крикнулъ.

— Прощай! Счастливаго пути, кланяйся домашнимъ.

— Прощай, Фисташка! — отвѣтила ему собака. — Отъ всего сердца благодарю тебя, что ты спасъ меня отъ смерти. Эту услугу я тебѣ не забуду, и при случаѣ постараюсь заплатить.

25.

Фисташка весело поплылъ вдоль берега. Вдругъ подъ скалою онъ видитъ что-то въ родѣ большого грота, изъ котораго выходитъ дымъ широкой полосой.

«Въ этомъ гротѣ непременно разведенъ огонь, — подумалъ онъ. — Тѣмъ лучше, я обсушусь, обогрѣюсь, а потомъ?.. а потомъ будь, что будетъ!»

Съ такими мыслями онъ подплылъ къ скалѣ, и когда собирался уже выйти изъ воды, вдругъ почувствовалъ, что его что-то поднимаетъ все выше и выше вверхъ.

Онъ попытался было вырваться, но было уже поздно: его захватила рыболовная сѣть, пол-

ная трепетавшейся рыбы разной величины, которая извивалась и рвалась на волю.

Изъ грота вышелъ безобразный рыбакъ, точно какое-то морское чудовище.

Вмѣсто волосъ на головѣ—густой кустарникъ изъ морской травы; кожа вся зеленая; зеленые глаза и длиннѣйшая борода тоже изъ морской травы.казалось, это была гигантская ящерица на заднихъ лапахъ.

Когда онъ вытащилъ сѣть изъ воды, то отъ удовольствія воскликнулъ:

— Вотъ такъ уловъ! Сегодня я опять наѣмся рыбы!

«Хорошо, что я не рыба», мелькнуло въ головѣ Петрушки.

Полныя сѣти были спесены внутрь темнаго и закопченнаго грота, среди котораго на очагѣ дымилась большая сковорода съ оливковымъ масломъ.

— Теперь посмотримъ, что за рыба мнѣ попалась,— проговорилъ зеленый рыбакъ, засовывая въ сѣти свою лапу величиной съ хорошую лопату, и захватывая ею большую пригоршню карповъ.

— И хороши же эти карпы!—любываясь ими, проговорилъ онъ и швырнулъ въ пустую лодку.

Продолжая такъ разсматривать уловъ, онъ все больше обнаруживалъ свой аппетитъ; даже слюнки текли изъ его рта, когда онъ приговаривалъ:

— Хороши эти мерланы!..

— А и вкусны же эти голавли!..

— Что за прелесть камбала!..

— Какіе славные анчоусы!..

Последнимъ былъ Фисташка.

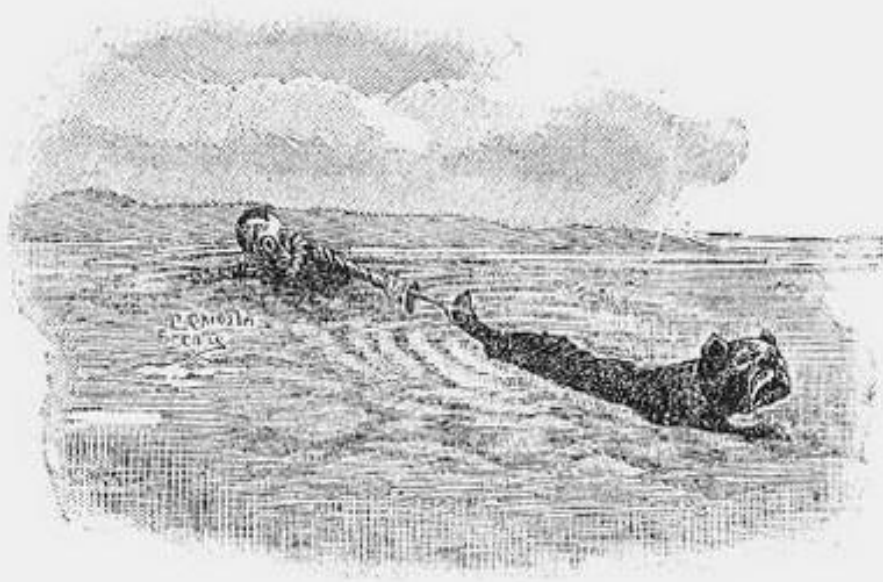
Когда рыбакъ взялъ его въ руки, то выпучилъ свои зеленые глаза и крикнулъ:

— Это что за рыба? Не запомню, чтобы я такихъ ѣдалъ!

Онъ сталъ осматривать его со всѣхъ сторонъ и, наконецъ, рѣшилъ:

— Это, должно-быть, морской ракъ.

— Какой я ракъ?—возразилъ обиженный Фисташка. — Я Петрушка-Маріонетка.

Фисташка схватилъ Догоняя за хвостъ.

— Маріонетка?—переспросилъ рыбакъ. — По правдѣ говоря, такая рыба для меня новость. Тѣмъ лучше. Я и тебя охотно съѣмъ.

— Меня? Да поймите же вы, наконецъ, что я не рыба! Понимаете: не рыба! Я кажется, вамъ ясно говорю.

— Такъ!—сказалъ рыбакъ.— Но все-таки я вижу, что ты рыба, да еще умѣешь разсуждать и говорить.

Вотъ прекрасный случай испробовать такой рѣдкой въ нашемъ морѣ рыбы. Не каждый день попадають въ сѣти рыбы-Маріонетки. Нѣтъ, я изжарю тебя на сковородкѣ.

Бѣдный Фисташка сталъ плакать, корчиться, визжать: «Ой-ой-ой!.. Ай-ай-ай!..»

Такъ какъ онъ извивался точно угорь, стараясь вырваться изъ рукъ, то зеленый рыбакъ взялъ толстую мочалку, окрутилъ его, точно колбасу, и бросилъ въ лоханку къ другимъ рыбамъ. Затѣмъ откуда-то досталъ деревянное корыто, полное муки; каждую рыбину валялъ въ этой мукѣ, и бросалъ на сковородку съ кипящимъ масломъ.

Первыми стали жариться мерланы, потомъ голавли, камбалы, анчоусы и, наконецъ, очередь дошла и до Петрушки.

Тогда зеленый рыбакъ повалялъ его въ корытѣ, посыпалъ еще сверху съ головы до ногъ мукой, такъ что онъ казался сдѣланнымъ изъ гипса, потомъ взялъ за голову и...

Рыбакъ сталъ осматривать Фисташку.

26.

Когда рыбакъ собирался уже бросить Фисташку на сковородку, въ пещеру вбѣжала собака, при-

влеченная вкуснымъ запахомъ жаркого.

— Прочь!—крикнулъ рыбакъ, держа въ рукахъ всего обсыпаннаго мукой Петрушку. Но голодная собака визжала и махала хвостомъ, точно говоря:

— Дай мнѣ немножко жаркого, и я больше не буду приставать!

— Прочь, говорятъ тебѣ! — крикнулъ еще разъ рыбакъ, и поднялъ ногу, чтобы дать ей хорошаго пинка.

Собака, очевидно, когда бывала голодна, такихъ шутокъ не любила и зарычала, оскаливъ зубы.

Тутъ послышался тоненькій, слабенькій голосокъ:

— Догоняй, спасай! А не то онъ меня изжаритъ!

Собака сейчасъ же узнала голосокъ Фисташки и сообразила, что этотъ голосокъ исходилъ изъ бѣлаго предмета, который рыбакъ держалъ въ рукахъ.

Быстро выхватила она этотъ бѣлый предметъ и, осторожно держа его въ зубахъ, бросилась прочь изъ пещеры.

Рыбакъ выбѣжалъ за собакой, но догнать ее не могъ.

Между тѣмъ Догоняй, добѣжавъ до дорожки къ городку, остановился и осторожно положилъ на землю своего друга.

— Какъ мнѣ благодарить тебя? — спросилъ, растроганнымъ голосомъ Фисташка.

— За что же? Ты спасъ меня, а я тебя; за добро чѣмъ же и платить, какъ не добромъ? Надо помогать другъ другу.

— Но какъ, милый Догоняй, ты попалъ въ эту пещеру?

— Я лежалъ на берегу послѣ моего ужаснаго купанья, какъ вдругъ на меня пахнуло запахомъ жаркого. Мнѣ такъ захотѣлось ѣсть, что я тотчасъ же побѣжалъ на этотъ запахъ. Опоздай хоть на секунду...

— Не вспоминай!—закричалъ Фисташка, весь дрожа отъ стра-

«Прочь!» крикнулъ рыбакъ.

ха.— Не вспоминай! Если бы ты явился хоть минутой позже, я теперь бы былъ уже изжаренъ, съѣденъ! Уфъ!

Догоняй протянулъ ему лапу, Петрушка крѣпко пожалъ ее, и они разстались.

27.

Собака направилась домой, а Фисташка пошелъ къ хижинѣ, которая была невдалекѣ.

— Скажите мнѣ, добрый человѣкъ,—спросилъ онъ старичка, грѣвшагося у дверей на солнцѣ,—нельзя ли мнѣ у васъ отдохнуть?

— Отдохни, отдохни, мальчикъ,—отвѣтилъ ласково старичокъ.—А почему ты бѣлый, точно весь въ мукѣ?

— Видите ли, я нечаянно потерялся около только что выбѣленной стѣны,—отвѣчалъ Петрушка, стыдясь сознаться, что онъ былъ вывалянь въ мукѣ и чуть-чуть не изжаренъ въ маслѣ.

— А гдѣ же твоя одежда — панталоны, шапка?

— Все это у меня украли воры. Не найдется ли у васъ, добрый человѣкъ, хоть какой-нибудь одежонки, чтобы только добраться до дому.

— Что касается этого, милый мой мальчикъ, у меня нѣтъ ровно ничего. Можетъ-быть, тебѣ пригодится этотъ мѣшокъ, въ которомъ я держу бобы. Если хочешь, такъ возьми его.

Фисташка не заставилъ предлагать себѣ два раза. Онъ тотчасъ же взялъ мѣшокъ, вырѣзалъ отверстіе для головы и по бокамъ для рукъ, надѣлъ его на манеръ рубашки и въ такомъ легонькомъ костюмѣ отправился домой.

Дорогой онъ разсуждалъ:

— Какъ я явлюсь къ моей доброй Феѣ? Что она мнѣ скажетъ?.. Простить ли эту вторую мою шалость?.. Навѣрно, не простить. И подѣломъ! Я только обѣщаю, что исправлюсь, а самъ все такой же баловникъ.

28.

Домой онъ вернулся темной ночью. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Набравшись храбрости, онъ подошелъ къ двери и слегка стукнулъ.

Ждалъ-ждалъ, наконецъ чрезъ полчаса открылось въ верхнемъ этажѣ окно (а домъ былъ четырехъэтажный) и оттуда выглянула

Догоняй бросился вонъ изъ грота, держа Фисташку въ зубахъ.

Улитка съ зажженной свѣчкой на спинѣ:

— Кто здѣсь стучится въ такой поздній часъ?—спросила она.

— Фея дома?

— Фея спитъ и будить себя не приказала. А ты кто такой?

— Я Петрушка, который живетъ у Феи.

— А, знаю!—сказала Улитка.— Подожди минутку, я сейчасъ сойду.

Фисташка отправился домой.

Прошелъ часъ, прошелъ другой, а дверь все не отворялась.

Фисташка дрожалъ отъ холода, отъ страха; намокшій мѣшокъ холодилъ ужасно, и поэтому, набравшись храбрости, онъ постучалъ еще разъ немного посильнѣе.

На стукъ отворилось окно этажомъ пониже и высунулась опять та же самая Улитка.

— Красавица Улиточка,—крикнулъ Фисташка,—я жду ужъ два часа, а въ такую погоду они длиннѣе двухъ недѣль! Торопитесь, умоляю васъ!

— Милый мальчикъ,—отвѣчало изъ окна это спокойное созданье,—я Улитка, а улитки не умѣютъ торопиться.

И окно закрылось.

Немного погода пробило полночь, потомъ часъ, потомъ два, а дверь все не отпиралась.

Фисташка, потерявъ терпѣнiе, отошелъ немного и съ разбѣга ударилъ во всю мочь ногою въ дверь. Ударъ былъ такъ силенъ, что нога воткнулась въ дверь и вытащить ее назадъ было невозможно—она засѣла, точно вбитый гвоздь.

Подъ утро, наконецъ, дверь отворилась. Чтобы добраться съ четвертаго этажа до входной двери, Улиткѣ понадобилось девять часовъ. Она чуть не вспотѣла отъ такой работы.

— Зачѣмъ это вы воткнули вашу ногу въ дверь?—спросила она Петрушку.

— Это несчастный случай. Не удастся ли вамъ освободить меня отъ этой муки?

— Тутъ надо плотника, мой милый.

— Попросите Фею...

— Фея спитъ и будить себя не приказала.

— Что же? Я такъ и останусь пришибленнымъ здѣсь къ двери? Хотя принесите мнѣ чего-нибудь поѣсть. Я умираю съ голоду.

— Сейчасъ, сейчасъ!—отвѣчала Улитка.

Дѣйствительно, черезъ три съ половиной часа она вернулась, неся на головѣ серебряное блюдо съ хлѣбомъ, жаренымъ цыпленкомъ и самыми сладкими абрикосами.

— Этотъ завтракъ вамъ посылаетъ Фея,—сказала она.

При видѣ всего этого Петрушка, наконецъ, утѣшился. Но какъ же стало ему обидно и досадно, когда хлѣбъ оказался сдѣланнымъ изъ гипса, цыпленокъ изъ картона, а абрикосы изъ алебаstra. Все это было такъ хорошо покрашено, что казалось настоящимъ.

Ему захотѣлось плакать, расшвырять все; но вмѣсто того, съ

горя ли, отъ усталости ли, или отъ истощенія—трудно сказать отъ чего—онъ лишился чувствъ.

29.

Когда онъ пришелъ въ себя, то лежалъ ужъ на диванѣ, а около него стояла Фея.

— Я и на этотъ разъ тебя прощаю,—сказала она, —но если ты сдѣлаешь еще разъ что-нибудь подобное, тебѣ будетъ очень плохо.

Фисташка обѣщалъ учиться хорошо и больше не шалить. И весь годъ онъ помнилъ это.

На экзаменахъ его признали лучшимъ въ школѣ. Его поведение было достойно всякой похвалы. Очень довольная всѣмъ этимъ Фея сказала ему:

— Завтра, наконецъ, исполнится твое желаніе.

— Какое мое желаніе?

— Ты перестанешь быть деревянной маріонеткой и сдѣлаешься мальчикомъ, какъ всѣ другіе.

Невозможно представить себѣ радость Фисташки. Рѣшено было пригласить всѣхъ его школьных товарищей на завтракъ, чтобы на другой день всѣмъ вмѣстѣ отпраздновать это превращеніе.

Фея велѣла приготовить двѣсти чашекъ кофе съ молокомъ и четыреста булочекъ, обмазанныхъ и внутри и снаружи сливочнымъ масломъ. Все обѣщало на завтра веселый праздникъ.

Фисташка попросилъ позволенія Феи самому обойти и пригласить всѣхъ своихъ товарищей.

— Ступай,—сказала Фея,—пригласи всѣхъ на кофе завтра утромъ; но будь дома засвѣтло. Ты меня понялъ?

— Черезъ часъ я буду дома.

Петрушка поклонился своей доброй Феѣ и вышелъ на улицу.

Въ теченіе часа онъ успѣлъ побывать у всѣхъ своихъ товарищей и всѣхъ ихъ пригласить.

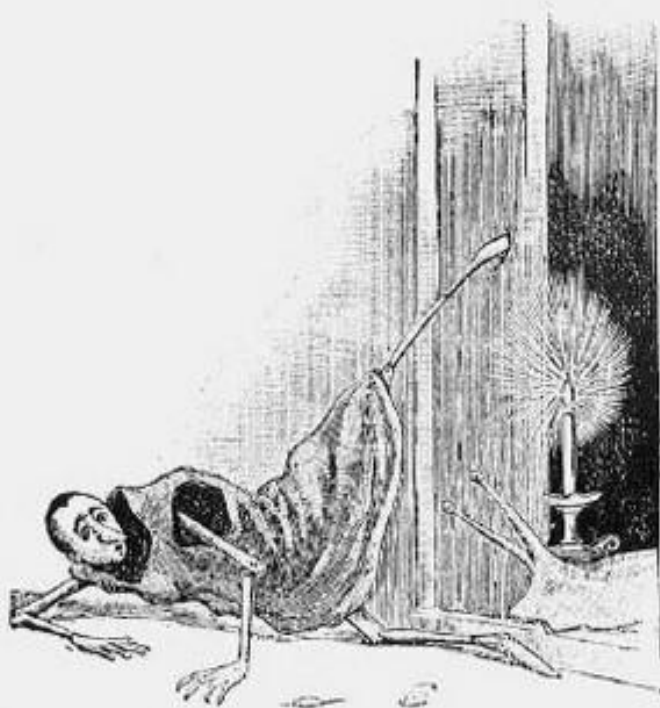
Нѣкоторые согласились сразу съ нескрываемымъ удовольствіемъ; другіе заставили себя просить, но когда узнали, что хлѣбцы къ кофе будутъ обмазаны масломъ и снаружи и внутри, тотчасъ согласились.

— Чтобы доставить тебѣ удовольствіе,—сказали они,—придемъ и мы.

Надо вамъ сказать, что между товарищами Фисташки былъ одинъ наиболѣе любимый имъ, прозванный Фитилькомъ за его худенькую сухую фигурку, напоминавшую фитилекъ въ ночной лампадкѣ.

Фитилекъ былъ самый большой шалуни, но тѣмъ же менѣе, а можетъ-быть именно поэтому Фисташка его очень любилъ. И прежде всѣхъ онъ пошелъ къ нему, но не засталъ; зашелъ другой разъ—Фитилька опять нѣтъ дома; вернулся въ третій разъ—то же самое.

Онъ сталъ искать его по городу. Заглядывалъ и заходилъ повсюду и, наконецъ, нашелъ подъ воротами одного дома.

Вытащить ногу назадъ было невозможно.

— Завтра я перестану быть марионеткой и сдѣлаюсь мальчикомъ, какъ ты и какъ всѣ мои товарищи, — сообщилъ ему Фисташка.

— Желаю тебѣ всего хорошаго.

— И поэтому завтра я жду тебя на завтракъ.

— Но я уѣзжаю этой ночью.

— Куда же?

— Я переселяюсь въ городъ... самый прекрасный на землѣ, прямо-таки въ рай.

— А какъ зовется этотъ городъ?

— «Городъ баловней». Отчего бы и тебѣ не поѣхать съ нами?

— Миѣ? О, нѣтъ.

— Напрасно. Увидишь, будешь каяться. Гдѣ ты найдешь такой пріятный городъ? Тамъ нѣтъ школъ, нѣтъ учителей, ни одной даже книжки нѣтъ. Въ этомъ благословенномъ городкѣ никто никогда не учится и каждая недѣля состоитъ изъ семи воскресеній...

— Какъ же тамъ проводятъ время?

— Веселятся, шалятъ и играютъ съ утра до ночи. Вечеромъ ложатся спать, а съ утра опять начинаютъ то же самое. Что ты на это скажешь?

— Да! — воскликнулъ Фисташка и тряхнулъ головой, точно хотѣлъ сказать: «отъ такой жизни и я бы не отказался».

— Что жъ, ѣдемъ! Да или нѣтъ? рѣшайся.

— Нѣтъ, нѣтъ и пѣтъ! Я обѣщалъ моей доброй Феѣ быть хорошимъ и сдержу свое слово непременно. А такъ какъ солнце уже низко, то я ухожу. Прощай! счастливаго пути.

— Куда жъ ты идешь?

— Домой. Фея велѣла миѣ за сѣбѣмъ быть дома.

— Да подожди хоть двѣ минутки.

— А если Фея разсердится?

— Пусть ее сердится!.. Посердится, посердится и перестанетъ!

— А ты отправляешься одинъ или съ другими?

— Одинъ? Насъ всѣхъ болѣе ста мальчиковъ.

— Какъ же вы, пѣшкомъ идете?

— Скоро здѣсь проѣдетъ экипажъ, онъ и сvezетъ насъ въ этотъ прекрасный городъ.

— Какъ бы миѣ хотѣлось, чтобы этотъ экипажъ проѣхалъ здѣсь сейчасъ!

— Зачѣмъ?

— Чтобы видѣть, какъ вы тронетесь въ дорогу.

— Побудь еще немного здѣсь, и ты увидишь это.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я побѣгу домой.

— Подожди одну минуту.

— А ты, — началъ опять допрашивать Фисташка, — ты, дѣйствительно, увѣренъ, что тамъ совсѣмъ нѣтъ школъ?

— И тѣни даже нѣтъ.

— И нѣтъ учителей?

— Ни одного!

— Учиться тамъ не надо?

— Никогда, никогда и никогда!

— Какой роскошный городъ! — сказалъ, пожимаясь отъ удовольствія, Фисташка. — Вотъ это городъ! Хотя я и не бывалъ въ немъ, но воображаю, какъ тамъ хорошо!

— Отчего бы тебѣ не поѣхать?

— Не соблазняя меня! Я обѣщался моей Феѣ быть благоразумнымъ и исполню это обѣщаніе.

— Коли такъ, прощай!

— Прощай, Фитилекъ! счастливаго пути! Веселись и почаще вспоминай своихъ друзей.

Петрушка съ этими словами сдѣлалъ уже два шага, чтобы уйти, но все-таки еще разъ остановился и, обернувшись къ пріятелю, спросилъ:

— А ты увѣренъ, что тамъ въ недѣлѣ семь воскресеній?

— Еще бы.

— Вотъ прекрасный городъ! — повторилъ Фисташка, глотая

Наконецъ экипажъ подъѣхалъ.

слонки, но вдругъ рѣшительно проговорилъ:

— Итакъ, прощай! счастливаго пути!

— Прощай.

Между тѣмъ стемнѣло, настала ночь. Но вотъ вдали показался огонекъ, слышались бубенчики и звукъ почтовой трубы, но такой тоненькій и слабенькій, точно жужжаніе комара.

— Вотъ онъ! — вскрикнулъ, вскочивши, Фитилекъ.

— Кто? — шопотомъ спросилъ Петрушка.

— Экипажъ, въ которомъ мы поѣдемъ.

Наконецъ экипажъ подъѣхалъ.

Везли его двѣнадцать паръ осликовъ одинаковаго роста, но разной масти. Были темно-сѣрые, бѣлые, пегіе и даже полосатые — желтаго и голубого цвѣтовъ.

Казалось нѣсколько страннымъ, что эти двѣнадцать паръ, то-есть двадцать четыре ослика, не были

подкованы, а на ногахъ у каждаго изъ нихъ были надѣты бѣлые сапожки.

А кучеръ?

Это былъ человѣкъ необычайной толщины. Лицо его напоминало розовое яблоко; ротъ вѣчно улыбался; голосъ былъ тоненькій и ласковый, точно у котенка, когда онъ трется у ногъ своей хозяйки.

Гдѣ бы онъ ни появился со своей каретой, мальчишки безумѣли отъ радости и счастья и гурьбой окружали экипажъ, чтобы скорѣй вскочить въ него и пріѣхать въ этотъ земной рай, который называется «Городомъ бабовней».

Карета была полна ребятами лѣтъ отъ восьми до двѣнадцати, напиханными точно сельди въ бочкѣ.

Сидѣли другъ на дружкѣ, задыхаясь отъ жары и тѣсноты. Никто, однако, на жаловался и не

пищаль. Всѣ утѣшали себя надеждой, что черезъ нѣсколько часовъ будутъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни учителей, ни школъ; и это ихъ дѣлало такими довольными и терпѣливыми, что они забывали и тѣсноту, и неудобства, и голодъ, и жажду и даже сонъ.

Когда карета остановилась, круглый человѣчекъ, улыбаясь спросилъ у Фитилька:

— Ну, мой красавчикъ, и ты согласенъ ѣхать въ благодатный городъ?

„Пу, поѣду ужъ и я“, сказали Фисташка.

— Какъ не хотѣть! Хочу и даже очень.

— Но вотъ что, голубчикъ, предупреждаю—въ каретѣ мѣста нѣтъ. Видишь, все полно.

— Что дѣлать!—отвѣчалъ Фитилекъ.—Я какъ-нибудь ужъ приплюснусь хоть на подножкѣ.

— А ты, моя прелесть,—обратился ласково толстячокъ къ Фисташкѣ,—ты какъ думаешь? остаешься здѣсь или ѣдешь съ нами?..

— Я остаюсь,—отвѣчалъ Фисташка:—мнѣ надо идти домой, надо учиться.

— Ну, коли такъ,—всякаго тебѣ успѣха.

— Фисташка,—сказалъ Фитилекъ,—послушайся меня, поѣдемъ съ нами. Ты увидишь, какъ будетъ хорошо!

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Поѣдемъ съ нами, увидишь какъ все будетъ хорошо!—крикнуло нѣсколько голосовъ изъ кареты.

Фисташка ничего на это не отвѣтилъ, только вздохнулъ; немного погодя, вздохнулъ еще разъ. Всѣ ждали, молча, терпѣливо. Наконецъ, вздохнувши въ третій разъ, онъ вымолвилъ:

— Раздвиньтесь капельку, поѣду ужъ и я.

— Тамъ все полно,—возразилъ Толстякъ,—ноя съ удовольствіемъ уступлю тебѣ мѣсто на козлахъ.

— А вы?

— А я пойду пѣшкомъ.

— О, нѣтъ! я не согласенъ. Лучше я сяду верхомъ на одного изъ этихъ осликовъ.

Сказано—сдѣлано. Онъ подошелъ къ ослику изъ первой пары и приготовился вскочить верхомъ; но тотъ неожиданно повер-

нулъ голову и мордой ткнулъ его въ животъ.

Петрушка упалъ навзничь.

Представьте, какой смѣхъ раздался изъ кареты, и какъ обидно ему стало!

Взбѣшенный Фисташка тотчасъ же поднялся и однимъ прыжкомъ вскочилъ верхомъ на упрямое животное. Прыжокъ былъ такъ удаченъ, что смѣхъ сразу оборвался, всѣ мальчики захопали въ ладоши и хоромъ закричали: браво, Фисташка!

Однако осликъ не унялся—онъ такъ сильно лягнулъ задними ногами, что сбросилъ съ себя на землю бѣднаго Петрушку, который покатился кубаремъ вдоль по дорогѣ.

Опять раздался смѣхъ; но Толстякъ не засмѣялся, онъ подо-

шелъ къ ослику и что-то шепнулъ ему на ухо.

— Не бойся, — сказалъ онъ Петрушкѣ, — садись опять верхомъ. Этого ослика точно муха укусила, но я сказалъ ему на ухо два слова, и, надѣюсь, теперь онъ будетъ умнымъ и спокойнымъ.

Фисташка сѣлъ верхомъ, и карета покатилась.

Мальчики внутри всѣ спали; Фитилекъ храпѣлъ сильнее всѣхъ; а Толстячокъ, сидя на козлахъ, тихо напѣвалъ:

По ночамъ всѣ спятъ спокойно,
Только я одинъ не сплю...

30.

Подъ утро они пріѣхали въ «Городъ баловней».

Городъ этотъ не походилъ ни на одинъ изъ городовъ всего земного шара. Жители тамъ были одни мальчики. Самому старшему было лѣтъ четырнадцать, а младшему не болѣе восьми.

На улицахъ—оживленіе, шумъ, крики, игры. Всюду группы дѣтей: кто игралъ въ серсо, кто въ мячикъ, кто катался на велосипедѣ, кто на лошаdkѣ. Тутъ играли въ жмурки, тамъ бѣгали въ перегонки. Одни представляли комедію, другіе пѣли, кувыркались, ходили на рукахъ ногами кверху. Кто бѣгалъ съ обручемъ, кто расхаживалъ одѣтый генераломъ. Тутъ хохотали, тамъ кричали, здѣсь свистѣли,—однимъ словомъ, былъ такой крикъ, содомъ и грохотъ, что хотъ затыкай себѣ уши ватой, чтобы не оглохнуть.

На площади здѣсь и тамъ стояли маленькіе театрики; а на стѣнахъ домовъ всюду безграмотныя надписи, въ родѣ такихъ:

«Дасдравствують балавни!»
«Долой все школы!» «Кчорту Арифъ-Метику!» И тому подобныя изреченія.

Фисташка, Фитилекъ и остальные мальчики едва успѣли выскочить изъ кареты, какъ тотчасъ затерялись въ этой толпѣ дѣтей и быстро передружились.

Былъ ли кто счастливѣй и довольнѣй ихъ! Въ играхъ и забавахъ, какъ одинъ мигъ, пролетали часы, дни, недѣли, мѣсяцы.

— Вотъ это такъ житье! — говорилъ каждый разъ Фисташка, встрѣчаясь съ Фитилькомъ. — Да, правда, Фитилекъ! И всѣмъ своимъ счастьемъ я тебѣ обязанъ. У тебя добрая душа! — сказалъ Фисташка, обнимая друга и цѣлуя его въ переносицу.

31.

Прошло пять мѣсяцевъ веселья. Ни книжекъ ни школь въ поминѣ не было. Но вотъ однажды, проснувшись утромъ, Фисташка былъ крайне изумленъ и неприят-

Осликъ сильно лягнулъ задними ногами.

но пораженъ неожиданнымъ открытіемъ, которое сильно его огорчило.

Проснувшись утромъ, Фисташка по привычкѣ протянулъ руку, чтобы почесать себѣ въ затылкѣ.

Оказалось, къ его ужасу и горю, что уши увеличились чуть не на цѣлую четверть аршина; а раньше они были такъ малы, еле замѣтны. Его изумленію не было конца, когда, задѣвъ рукой, онъ сообразилъ, что за ночь они выросли, точно двѣ щетки.

На улицахъ города—оживленіе.

Онъ быстро налилъ въ тазъ воды, сталъ въ нее смотрѣться, и увидѣлъ то, чего никогда не желалъ бы видѣть: его голова была украшена парой роскошнѣйшихъ ослиныхъ ушей.

Представьте его горе, стыдъ и отчаяніе!

Онъ сталъ плакать, кричать, биться головой объ стѣну; но чѣмъ болѣе кричалъ, тѣмъ болѣе росли уши и покрывались шерстью.

На его крики прибѣжалъ Сурокъ, жившій этажомъ выше, и, видя Петрушку въ такомъ горѣ и отчаяніи, съ участіемъ его спросилъ:

— Что съ тобой, сосѣдушка?

— Я боленъ, милый мой Сурокъ, я очень боленъ... и эта болѣзнь меня пугаетъ!

— Дорогой мой другъ,—промолвилъ онъ со вздохомъ,—мнѣ больно сообщить тебѣ то, что съ тобой случилось... У тебя сильная и очень гадкая лихорадка.

— Какая такая лихорадка?

— Ослиная...

— Я не знаю такой лихорадки,—сказалъ Петрушка, хотя отлично понималъ, въ чемъ дѣло.

— Такъ я тебѣ все объясню,—отвѣчалъ ему Сурокъ: — черезъ два или три часа ты больше не будешь марионеткой.

— А къмъ же я буду?

— Ты сдѣлаешься осломъ, настоящимъ осликомъ, какъ всѣ тѣ, которые возятъ по городу телѣжки и носятъ на спинѣ овощи на рынокъ.

— О, я несчастный!—закричалъ Фисташка, схвативъ себя обѣими руками за уши и теребя ихъ, точно они были не его, а чьи-нибудь чужія.

— Дорогой мой другъ,—утѣшалъ его Сурокъ,—тутъ помочь тебѣ нельзя. Такова твоя судьба! Такъ предназначено, что всѣ своевольные мальчишки, которые все время проводятъ въ играхъ, шалостяхъ и развлеченияхъ, которымъ надоѣли книги, школы, учителя, кончаютъ непременно тѣмъ, что дѣлаются настоящими ослиами.

— Неужели это правда?—спросилъ съ рыданіемъ Петрушка.

— Да, истинная правда. Плакать теперь бесполезно! Надо было думать раньше.

— Но вѣдь я не виноватъ. Всею причиной Фителекъ. О! если я встрѣчусь съ Фитиль-

комъ, ему не сдобровать! Я ему вотъ какъ накладу!

Онъ пошелъ было къ дверямъ, но вспомнилъ о своихъ ушахъ и, стыдясь показаться такъ передъ всѣми, взялъ большой коленкорový мѣшокъ и надѣлъ себѣ его на голову, закрывъ имъ оба уха.

На улицѣ онъ сталъ искать Фитилька. Искать его вездѣ: въ переулкахъ, на площадяхъ, въ балаганахъ—нѣтъ нигдѣ.

Тогда онъ отправился къ нему на домъ и, подойдя къ двери, постучалъ.

— Кто тамъ? — отозвался Фитилекъ.

— Это я!—отвѣчалъ Фисташка.

— Подожди немного! — я сейчасъ.

Дверь открылась только черезъ полчаса, и вообразите удивленіе Фисташки, когда на головѣ у Фитилька онъ увидѣлъ такой же коленкорový мѣшокъ, нахлобученный на оба уха.

Это утѣшило его немного.

Фисташка надѣлъ мѣшокъ на голову.

Голова Фисташки была украшена парой ослиныхъ ушей.

«Пріятель - то мой, должно-быть, боленъ тѣмъ же, чѣмъ и я, — подумалъ онъ. — У него, вѣроятно, тоже ослиная лихорадка».

Сдѣлавъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, онъ спросилъ его съ улыбкой:

— Какъ поживаешь, Фитилекъ?

— Отлично! какъ мышь въ крупѣ.

— Ты правду говоришь?

— А зачѣмъ я буду тебѣ врать?

Тутъ оба замолчали и только насмѣшливо поглядывали другъ на друга.

Немного погодя, Петрушка обратился къ пріятелю.

— Скажи мнѣ, милый Фитилекъ, у тебя никогда не болѣли уши?

— Нѣтъ, никогда. А у тебя?

— Тоже никогда. Только сегодня утромъ стало саднить что-то.

— И у меня немного.

— И у тебя?.. А которое же ухо?

— Оба. А у тебя?

— Тоже оба. Можетъ-быть, у насъ у обоихъ та же самая болѣзнь?

— Боюсь, что такъ.

— Сдѣлай мнѣ одолженіе, Фитилекъ, покажи мнѣ твои уши.

— Отчего же! но раньше покажи ты мнѣ свои.

— Нѣтъ, первый ты.

— Нѣтъ, голубчикъ, сначала ты, а послѣ я.

— Ну, хорошо, — сказалъ Петрушка, — сдѣлаемъ какъ добрые

— Помоги мнѣ! помоги, Фисташка!

— А что съ тобой?

— Я не знаю! Больше не могу стоять прямо на ногахъ. Меня тянетъ книзу.

— И я тоже не могу! — со слезами вымолвилъ Фисташка, шатаваясь взадъ и впередъ.

При этомъ оба опустились обѣими руками на полъ и на четверенькахъ стали кружиться и бѣгать вдоль и поперекъ по комнатѣ.

Мало-по-малу ихъ руки измѣнялись и дѣлались ногами, лица удлинялись и превращались въ морды, а спины покрывались свѣтло-сѣрой шерстью.

Но самое непріятное знаете, что было? Хуже и унизительнѣе всего было то, что у нихъ начали расти хвосты!

Тутъ они больше не выдержали и со стыда и огорченія стали плакать и громко жаловаться на свою судьбу.

Но лучше бы было имъ молчать! Въмѣсто стонувъ и рыданій послышался ослиный крикъ — ослиное ржанье: они оба стали кричать по-ослиному: *ia! ia! ia!*..

Фисташка и Фитилекъ весело расхохотались.

друзья. Снимемъ колпаки въ одно и то же время. Согласенъ?

— Ладно.

— Разъ, два, три!

На словѣ «три» они сняли колпаки.

Тутъ произошло что-то странное. Фисташка и Фитилекъ, увидѣвъ, что оба награждены однимъ и тѣмъ же украшеніемъ, вмѣсто того, чтобы плакать, сокрушаться, стали подмигивать другъ другу и, наконецъ, весело расхохотались.

Смѣялись и хохотали оба безъ конца; но вдругъ Фитилекъ остановился, зашатался и съ измѣнившимся лицомъ сказалъ:

Снаружи кто-то постучался и закричалъ:

— Отоприте! Я тотъ Толстячокъ, который васъ привезъ сюда. Отпирайте же скорѣй, а не то придется плохо вамъ.

Такъ какъ дверь не отпиралась, то Толстячокъ вышибъ ее ударомъ ноги и, войдя въ комнату, со всегдашней своей улыбочкой сказалъ Фисташкѣ и Фитильку:

— Молодцы, ребята! — славно ржете. Я тотчасъ по голосу узналъ васъ и пришелъ сюда за вами.

Оба ослика стали очень грустны, опустили головы, повѣсили уши и хвосты поджали.

Сначала Толстячокъ погладилъ ихъ, похлопалъ, поласкалъ, потомъ вынулъ скребницу и началъ чистить.

Когда шерсть ихъ стала гладкой, даже глянцевитой, онъ надѣлъ имъ на морды недоуздки и повелъ продавать на рынокъ.

Покупатели тотчасъ же напались.

Фитилекъ былъ проданъ крестьянину, у котораго наканунѣ издохъ осель; а Фисташка—директору цирка, который собирался научить его прыгать и скакать на потѣху публики.

Теперь вы понимаете, какое милое занятіе придумалъ себѣ Толстячокъ?

Этотъ противный соблазнитель ѣздилъ повсюду со своей каретой, заманивалъ лаской и уговоромъ своевольныхъ мальчиковъ, которымъ надоѣли школы, учителя и книги, и отвозилъ ихъ въ «Городъ баловней», гдѣ они все время только играли, забавлялись.

Когда эти несчастные отъ такого малаго занятія становились осликами, онъ ихъ выводилъ продавать на рынокъ или на ярмарку, и такой торговлей нажилъ много денегъ.

И онъ тотчасъ же хлестнулъ Фисташку бичомъ по ногамъ.

Осликъ заплакалъ отъ боли, и закричалъ:

— Іа! іа! іа! Отъ соломы у меня болить животъ.

— Такъ ѣшь сѣно!—крикнулъ хозяинъ, понимавшій ослиный разговоръ.

— Іа! іа! іа! Отъ сѣна у меня въ костяхъ ломота.

— Что же, ты воображаешь, что такого осла, какъ ты, я буду кормить цыпятами?—и онъ хлестнулъ его еще разъ.

Тутъ Фисташка разсудилъ, что самое лучшее молчать.

Хозяинъ заперъ конюшню и Фисташка остался въ ней одинъ.

Онъ ничего съ утра еще не ѣлъ и отъ голода ему стало зѣваться. Зѣвалъ, зѣвалъ, а, кромѣ сѣна, нѣтъ ничего другого въ ясляхъ, и пришлось ему рѣшиться пожевать хоть сѣна.

Жевалъ, жевалъ, потомъ остановился, подумалъ немного, закрылъ глаза и проглотилъ.

— Это сѣно не такъ, чтобы очень дурно,—сказалъ онъ самъ

33.

Новый хозяинъ, приведя его въ конюшню, наложилъ соломы за рѣшетку яслей. Фисташка попробовалъ было ее, но сейчасъ же выплюнулъ.

Хозяинъ поворчалъ и замѣнилъ солому сѣномъ, но и сѣно Фисташка не сталъ ѣсть.

— А! Тебѣ и сѣно не по вкусу? Ладно, милый мой! Если ты такъ разборчивъ на ѣду, я найду средство вразумить тебя!

Оба стали кричать по-ослиному: іа-іа-іа!

себѣ,—а все-таки мнѣ очень жаль, что я не продолжалъ учиться въ школѣ! Теперь вмѣсто сѣна я ѣлъ бы свѣжій хлѣбецъ съ масломъ.

Проснувшись поутру, онъ сталъ шарить за рѣшеткой; но сѣно все было имъ съѣдено еще вчера. Попробовалъ было рубленой соломой, но ея вкусъ далеко не понималъ ему ни макароны ни лапшу.

Утромъ хозяинъ вошелъ въ конюшню.

— Ты воображаешь, что я тебя купилъ для того, чтобы поить, кормить и холить въ стойлѣ? Нѣтъ, братъ! Ты будешь работать и добывать мнѣ деньги! Пойдемъ-ка въ циркъ. Я научу тебя, какъ прыгать въ обручъ, мордой пробивать бумагу и танцевать вальсъ и мазурку.

Волей-неволей Фисташкѣ пришлось научиться всѣмъ этимъ фокусамъ.

Учился онъ три мѣсяца, и при этомъ ученьи такъ работалъ хлысть, что шерсть осла порой летѣла клочьями.

34.

Наконецъ наступилъ день, когда директоръ могъ объявить, дѣйствительно, необычайносепредставленіе.

На всѣхъ углахъ были расклеены разноцвѣтныя афиши такого рода:

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМЪ
БОЛЬШОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ:
БУДУТЪ ИСПОЛНЕННЫ
АРТИСТАМИ ВСЕЙ ТРУППЫ
ПРЫЖКИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЯ УПРАЖНЕНІЯ
И ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
БУДЕТЪ ПОКАЗАТЬ ЗНАМЕНИТЫЙ
ОСЛИКЪ ФИСТАШКА,
ПРОЗВАННЫЙ ГЕНИЕМЪ ТАНЦЕРЬ.

Въ этотъ вечеръ, за цѣлый часъ до начала, циркъ былъ уже биткомъ набитъ.

Всѣ мѣста были переполнены дѣтьми, которые сгорали отъ нетерпѣнія увидѣть, какъ пляшетъ знаменитый осликъ Фисташка.

Послѣ перваго отдѣленія директоръ цирка, одѣтый въ черный фракъ, бѣлые въ обтяжку панталоны и лаковые высокіе сапоги, торжественно появился предъ публикой и, сдѣлавъ низкій поклонъ, произнесъ рѣчь:

— Почтеннѣйшая публика, кавалеры, дамы и дѣвицы! Вашъ нижеподписавшійся покорнѣйшій слуга, будучи проездомъ черезъ этотъ знаменитый городъ, возымѣлъ намѣреніе доставить себѣ честь и удовольствіе представить этой образованнѣйшей публикѣ знаменитаго осла, который уже имѣлъ честь танцевать во всѣхъ циркахъ Европы. И я, заранѣе благодаря за ваше оживленное присутствіе и особенное вниманіе, прошу быть снисходительными къ этому продукту моихъ трудовъ.

Рѣчь была принята со смѣхомъ и аплодисментами; но аплодисменты еще усилились, когда на аренѣ появился самъ Фисташка.

Онъ былъ очень разукрашенъ. Новенькая уздечка изъ глянцевитой кожи съ блестящими пряжками и наглазниками; по бѣлому цвѣтку около ушей; заплетенная грива, перевитая розовыми лентами; широкая изъ золота и серебра подпруга; хвостъ, заплетенный и перевитый бархатными лентами фіолетоваго и голубого цвѣта,—однимъ словомъ, это былъ такой красавецъ-осликъ, что влюбится можно было.

Тутъ директоръ, сдѣлавъ опять низкій поклонъ публикѣ, обратился къ Фисташкѣ и громко крикнулъ:

— О-ля! Фисташка! Прежде чѣмъ начать представленіе, по-

клонись почтеннѣйшей публикѣ, дамамъ, кавалерамъ и дѣвицамъ!

Фисташка опустился на колѣни своихъ переднихъ ногъ и остался такъ, пока директоръ не закричалъ: «Вставай!»

Осликъ поднялся и сталъ шагомъ обходить арену цирка.

Немного погодя, директоръ крикнулъ: «Рысью!»

Послушный Фисташка побѣжалъ рысью.

— Въ галопъ! — Фисташка понесся галопомъ.

— Въ карьеръ! — Фисташка поскакалъ, чтобы было мочи.

Когда онъ мчался, какъ скаковая лошадь, директоръ выстрѣлилъ изъ пистолета въ воздухъ.

Осликъ, точно раненый, упалъ на землю.

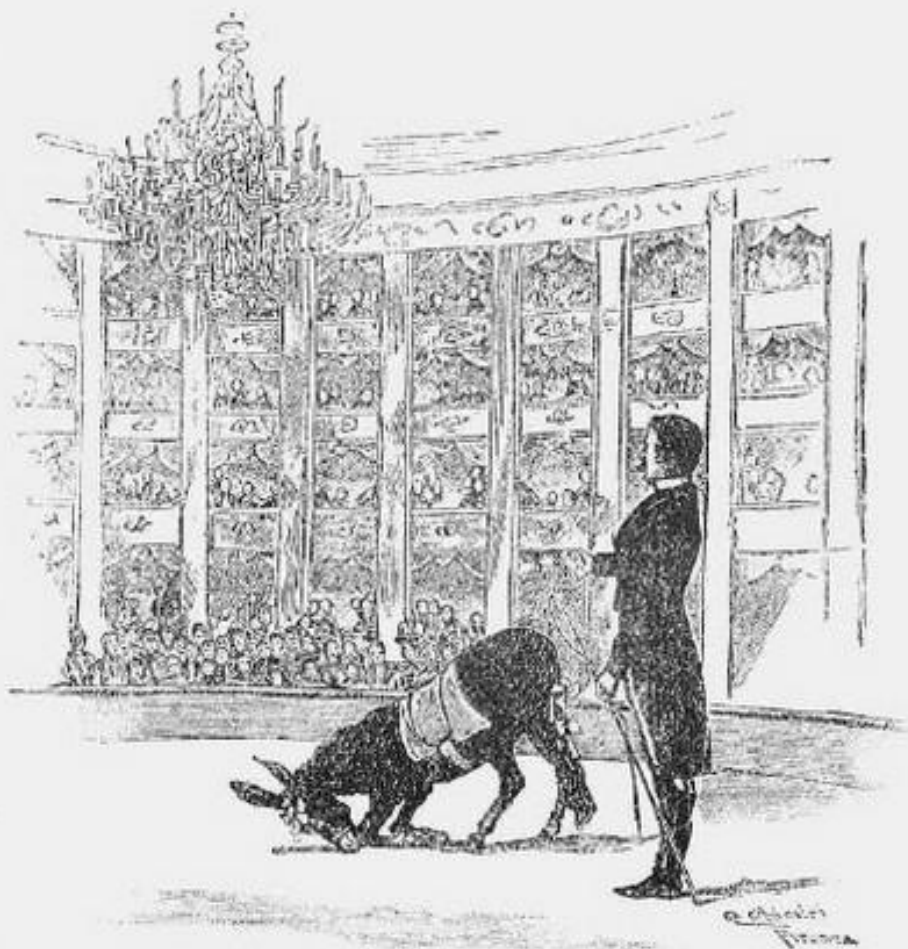
Среди взрыва аплодисментовъ и одобрительныхъ криковъ онъ поднялся на ноги, невольно поднимать голову, посмотрѣлъ наверхъ... и увидѣлъ въ одной изъ ложъ прекрасную незнакомку, у которой на шеѣ висѣлъ медальонъ на драгоценной золотой цѣпочкѣ. На медальонѣ былъ нарисованъ портретъ Фисташки.

«Вѣдь это мой портретъ!.. А эта дама—моя Фея!» мелькнуло въ его головѣ.

Не будучи въ силахъ удержаться отъ восторга, онъ хотѣлъ крикнуть:

— О, Феюшка моя! О, дорогая Фея!

Но вмѣсто этого послышался такой громкій ослиный крикъ, что зрители, въ особенности

Фисташка опустился на колѣни.

дѣти, разразились громкимъ смѣхомъ.

Чтобы онъ понялъ, какъ неприлично ржать предъ публикой, директоръ хлопнулъ ручкой хлыста по его носу.

Бѣдный осликъ высунулъ языкъ и цѣлыхъ пять минутъ лизалъ себѣ больное мѣсто.

Каково же было его отчаяніе, когда, взглянувъ опять, онъ увидѣлъ, что ложа ужъ пуста—Фея исчезла!..

Ужасъ охватилъ его. Глаза наполнились слезами, онъ горько началъ плакать.

Никто этого незамѣтилъ, а всѣхъ менѣе директоръ, который хлопнулъ бичомъ и крикнулъ:

— О-ля! Фисташка! Теперь покажи намъ, какъ ты умѣешь прыгать въ обручъ.

Раза два или три Фисташка не могъ рѣшиться на прыжокъ. Каждый разъ, подбѣжавъ къ

обручу, вмѣсто того, чтобы прыгнуть, онъ пробѣгалъ подъ нимъ. Наконецъ рѣшился, прыгнулъ, но задѣлъ ногами за обручъ и упалъ такъ неловко, что повредилъ себѣ ногу.

Покупщикъ столкнулъ Фисташку въ море.

Поднявшись, онъ сталъ хромать такъ сильно, что съ трудомъ доковылялъ до своего стойла.

— Браво, Фисташка! Покажите ослика! Хотимъ видѣть ослика! — кричали дѣти, растроганныя и взволнованныя этимъ происшествіемъ.

Но ослика имъ не показали.

На другое утро ветеринаръ, то-есть врачъ животныхъ, осмотрѣвъ его, объявилъ, что онъ навсегда останется хромымъ.

Тогда директоръ обратился къ конюху:

— На что нуженъ мнѣ хромо оселъ? Это будетъ дармоѣдъ. Сведи его на рынокъ и продай.

35.

На рынокъ тотчасъ же нашелся покупатель.

— Что ты хочешь за этого осла? — спросилъ онъ конюха.

— Двадцать рублей.

— Хочешь два рубля? Не воображай, что онъ годенъ для работы. Я беру его изъ-за шкуры: она годится на барабанъ для нашего оркестра.

Предоставляю, дѣти, вамъ судить самимъ, каково было слышать бѣдному Фисташкѣ, что годится только его шкура, да и то на барабанъ.

Покупщикъ заплатилъ два рубля, и повелъ ослика на скалу надъ самымъ моремъ. Здѣсь онъ навязалъ на его шею камень, привязалъ къ одной ногѣ веревку, которую держалъ въ рукахъ, и неожиданнымъ толчкомъ столкнулъ бѣдняжку въ море.

Фисташка съ камнемъ на шеѣ тотчасъ же пошелъ ко дну, а покупатель, держа въ рукахъ веревку, присѣлъ на землю и сталъ ждать, когда осликъ захлебнется, чтобы содрать съ него шкуру.

Прошло уже около часа, какъ осликъ былъ въ водѣ, и покупатель рѣшилъ тащить его наверхъ.

Онъ сталъ тянуть веревку, которая была привязана къ ослиной ногѣ. Тащилъ, тащилъ... наконецъ надъ водой показался... Отгадайте кто? Вмѣсто мертвого осла появился живой Петрушка, который извивался точно угорь.

Покупщикъ остолбенѣлъ отъ изумленія.

Онъ стоялъ, выпуча глаза, съ открытымъ ртомъ.

— Ужъ не во снѣ ли это, — бормоталъ онъ. — А гдѣ же осликъ, котораго я бросилъ въ море?

— Этотъ осликъ — это я! — крикнулъ весело Петрушка.

— Да какъ же ты изъ осла превратился въ маріонетку?

— Это, должно-быть, дѣйствіе морской воды. Море любитъ иногда такіа шутки.

— Эй, берегись, Петрушка!.. Не воображай, что я позволю тебѣ смѣяться надо мной! Если я выйду изъ себя, тебѣ придется плохо!

— Ну, хорошо! Хотите знать истинную правду? Да? Такъ отвяжите мою ногу, и я расскажу вамъ все по порядку.

Покупщику очень хотѣлось знать, какъ все это могло случиться, и онъ сейчасъ же отвязалъ веревку.

Фисташка, совершенно теперь свободный, какъ птица въ воздухѣ, началъ свой рассказъ и рассказалъ ему чистосердечно все, какъ было и что вы уже знаете.

Новымъ было только то, что касалось его чудеснаго превращенія изъ ослика снова въ Петрушку.

— Какъ только Фея узнала, что я тону, — рассказывалъ Фисташка, — такъ наслала на меня безчисленное количество всякаго сорта рыбы, которая стали поѣдать меня. Какъ онѣ меня ѣли! Какъ обжирались! Что это были за глотки! Одна обѣдала мои уши, другая морду, по нѣсколько

за разъ ѣли мою шею съ гривой, ноги, спину... И когда рыбы съѣли все мое ослиное мясо, онѣ добрались до костей, или, лучше сказать, до дерева, потому что я, какъ вы видите, сдѣланъ изъ крѣпчайшаго сухого дерева. Рыбы, однако, поняли, что онѣ были имъ не по зубамъ, и онѣ удалились, даже не поблагодаривъ меня за обѣдъ... Вотъ вамъ весь рассказъ, какъ случилось, что на веревкѣ вы вытянули живую маріонетку вмѣсто дохлаго осла.

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ рассказовъ! — крикнулъ покупатель. — Я заплатилъ за тебя два рубля и желаю получить обратно! Знаешь, что я сдѣлаю? Я сведу тебя опять на рынокъ и продамъ, ты годишься на растопки.

— Что жъ, продавайте, я согласенъ! — сказалъ Петрушка, и въ ту же секунду однимъ прыжкомъ очутился въ морѣ.

Вѣбего мертваго осла показалеи Фисташка.

Весело плывя отъ берега, онъ крикнулъ покущику:

— Прощайте, хозяинъ! Если вамъ понадобятся барабанная кожа, не позабудьте обо мнѣ!

Онъ хохоталъ и плылъ все дальше. Потомъ обернулся еще разъ, и крикнулъ еще громче:

— Прощайте, хозяинъ! Если вамъ понадобятся растопки, не позабудьте обо мнѣ!

Въ нѣсколько секундъ онъ отплылъ такъ далеко, что его почти не было видно, то - есть виднѣлась вдали на поверхности моря только фигурка, которая болтала ногами, прыгала и скакала точно веселый, молодой дельфинъ.

36.

Когда Фисташка такимъ образомъ плылъ наудачу, онъ увидалъ среди моря высокую бѣлую скалу точно изъ мрамора, а на этой скалѣ прекрасную овечку, которая блеяла.

И — странное дѣло! — шерсть этой овечки не была ни бѣлая, ни черная, ни сѣрая, какъ у другихъ овечекъ, но голубого цвѣта и такая блестящая, что совсѣмъ напоминала волосы милой дѣвушки.

Можете себѣ представить, какъ стало биться сердце у Фисташки!

Съ удвоенной силой и энергіей онъ поплылъ скорѣй къ скалѣ, и былъ ужъ недалеко, какъ вдругъ появилась изъ воды голова морского чудовища съ открытымъ точно пропасть ртомъ, изъ котораго торчали три ряда огромныхъ зубовъ.

Это была та гигантская Акула.

Чудовище настигло его, оно сдѣлало глотокъ и вмѣстѣ съ морской водой проглотило и Петрушку.

Придя къ себѣ, онъ сразу не могъ сообразить, куда попалъ. Кругомъ была такая непроглядная, непроницаемая тьма, точно

онъ головой попалъ въ чернила. Сталъ прислушиваться—все тихо; только иногда чувствовались сильные порывы вѣтра. Откуда могъ дуть этотъ вѣтеръ? Очевидно, только изъ легкихъ громаднаго чудовища.

Сначала Фисташка старался ободрить себя; но когда ему ясно стало, что онъ заключенъ со всѣхъ сторонъ въ необъятномъ туловищѣ, онъ началъ плакать и кричать:

— Помогите! помогите! Что мнѣ дѣлать? Неужели не найдется никого, кто бы спасъ меня!

Вдругъ Петрушкѣ показалось, что гдѣ-то далеко мерцаетъ огонекъ.

Фисташка пошелъ ощупью по направлению къ свѣту.

Ему пришлось шлепать по жирной, скользкой жидкости, вонявшей рыбой.

По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался, свѣтъ становился ярче; онъ все шелъ, шелъ и, наконецъ, пришелъ, а когда пришелъ... что же онъ увидѣлъ?

Угадайте что? Бьюсь объ закладъ, что изъ ста разъ вамъ не угадать ни разу.

Увидѣлъ онъ накрытый столъ, на столѣ свѣчу, воткнутую въ бутылку, а за столомъ сѣдого старичка. Старичокъ этотъ видимо обѣдалъ: онъ ѣлъ живыхъ рыбокъ, которыя такъ крутились и извивались, что порой выпрыгивали у него даже изо рта. Фисташка почувствовалъ такой приливъ неожиданной радости, что чуть не упалъ въ обморокъ. Ему захотѣлось смѣяться, плакать и болтать безъ-умолку; а вмѣсто того онъ только бормоталъ безсвязныя слова.

Наконецъ онъ вскрикнулъ, бросился въ объятья къ старичку и сталъ радостно визжать:

— О мой папа! Наконецъ-то я тебя нашелъ! Теперь мы не разстанемся никогда, никогда!

— Неужели глаза меня не обманули? — воскликнул старичокъ, протирая себѣ подслѣповатые глаза. — Неужели это ты, мой дорогой Фисташка!

— Да, это я! дѣйствительно я! А вы?.. Вѣдь вы меня простили?.. О, дорогой мой папа, какъ вы добры!.. И сказать, что я... вмѣсто того... О, если бы вы знали, сколько я испыталъ горя и несчастій!

Помните, когда вы плыли въ открытое море, а я стоялъ на берегу. Я издали сейчасъ же васъ узналъ, мнѣ подсказало мое сердце, и я махалъ вамъ, чтобы вы вернулись...

— И я тебя узналъ, — сказалъ Джепетто, — и хотѣлъ вернуться, но это было невозможно. Море бушевало и волной перевернуло мою лодку. Недалеко была ужасная Акула. Когда она увидѣла меня въ водѣ, то бросилась ко мнѣ и проглотила.

— А давно вы уже здѣсь?

— Сегодня минуло два года, и эти два года, милый мой Фисташка, мнѣ показались цѣлой вѣчностью.

— Но какъ вы жили здѣсь? Гдѣ вы нашли свѣчку? Гдѣ взяли спичекъ? Кто вамъ далъ все это?

— Слушай, я расскажу тебѣ. Та же буря, которая перевернула мою лодку, потопила также одинъ купеческій корабль. Матросы спаслись, а корабль пошелъ ко дну, и Акула послѣ меня проглотила и корабль...

— Какъ, въ одинъ глотокъ?

— Все въ одинъ глотокъ. Выплюнула только большую мачту, которая, точно зубочистка, застряла у нея въ зубахъ. На мое счастье, этотъ корабль былъ нагруженъ не однимъ соленымъ мясомъ, сухарями, бутылками вина, изюмомъ, сыромъ, кофе, сахаромъ, свѣчами и коробочками спичекъ. Всѣ эти припасы дали мнѣ возможность про-

жить два года; но теперь въ кладовой нѣтъ больше ничего, и эта свѣчка послѣдняя...

— А потомъ?

— Потомъ, мой милый, мы съ тобой очутимся впотьмахъ.

— Коли такъ, папа, некогда времени терять, надо намъ скорѣе бѣжать.

— Бѣжать? но куда же?

— Надо броситься въ море черезъ пасть Акулы и уплыть.

Фисташка бросился въ объятья къ старику.

— Я не умѣю плавать.

— Это пустяки. Вы сядете на меня верхомъ — я плавать мастеръ и доставлю васъ на берегъ.

Не говоря больше ни слова, Фисташка взялъ свѣчку и, держа ее передъ собой, сказалъ отцу:

— Идите вслѣдъ за мной и ничего не бойтесь.

Они шли довольно долго. Прошли все туловище и желудокъ чудовища; но, дойдя до горла, остановились, чтобы сообразиться и улучшить удобную минуту.

Надо вамъ сказать, что Акула была очень стара, страдала астмой и сердцебиеніемъ, поэтому спала съ открытымъ ртомъ.

Фисташка просунулъ немного въ горло, взглянулъ наверхъ и увидѣлъ черезъ открытую громадную пасть частичку неба, звѣзды и луну.

— Теперь удобная минута — прошепталъ онъ своему отцу: — Акула крѣпко спитъ, море спокойно и свѣтло, какъ днемъ. Идите вслѣдъ за мной, мы скоро будемъ спасены.

Сказано — сдѣлано. Они прошли вверхъ по горлу морского чудовища и, дойдя до его громадной пасти, продолжали идти на щипочкахъ вдоль по языку, который былъ широкъ и длиненъ, какъ садовая аллея.

Они приготовились уже прыгнуть въ море, какъ Акула вдругъ чихнула, и такъ сильно трянула Фисташку и Джепетто, что они оба кувыркнулись.

Вставъ на ноги, Фисташка помогъ встать своему отцу, взявъ его за руку, и они перелѣзли черезъ три ряда зубовъ.

Предъ тѣмъ, какъ сдѣлать рѣшительный скачокъ, Фисташка сказалъ своему папѣ:

— Прыгайте скорѣе мнѣ на плечи и держитесь крѣпко-крѣпко. Объ остальномъ не беспокойтесь.

Когда Джепетто какъ слѣдуетъ утѣлся на плечахъ своего сына, Фисташка прыгнулъ въ воду и поплылъ.

Море было какъ зеркало. Луна свѣтила полнымъ блескомъ, а Акула спала такъ крѣпко, что ее и пушками не разбудить.

Когда Фисташка плылъ изъ всѣхъ силъ къ берегу, онъ замѣтилъ, что отецъ, у котораго ноги наполовину были въ водѣ, сталъ дрожать, точно въ лихорадкѣ.

Фисташка началъ задыхаться и изнемогать, а берегъ былъ все еще далеко.

Однако онъ благополучно приплылъ къ берегу и вышелъ на землю.

37.

Тѣмъ временемъ стало свѣтло.

Фисташка взялъ подъ руку своего отца, который едва держался на ногахъ, и сказалъ ему:

— Обопритесь, папа, на меня, и пойдите тихо-тихо, не скорѣе муравья; а когда устанемъ, то присядемъ на дорогѣ.

Скоро они увидѣли глиняную хижину, крытую черепицей.

Въ этой хижинѣ жилъ огородникъ; у него были коровы.

Фисташка попросилъ огородника дать для его папы молока.

— Сколько тебѣ надо молока?

— Цѣлый стаканъ.

— Стаканъ молока стоитъ двѣ копейки. Давай деньги.

— У меня нѣтъ ни гроша, — отвѣтилъ озабоченно Фисташка.

— Плохо, братья! Если у тебя нѣтъ ни гроша, то у меня нѣтъ молока.

— Такъ что жъ мнѣ дѣлать?

— Постой, — отвѣтилъ огородникъ, — можетъ-быть, мы и поладимъ. Ты можешь качать воду?

— Какъ это качать?

— Накачивать изъ колодца, чтобы поливать мой огородъ...

— Попробую...

— Когда накачаешь мнѣ сто ведеръ, ты получишь цѣлый стаканъ молока.

— Ладно.

Огородникъ повелъ на огородъ Петрушку и показалъ ему, что надо было дѣлать. Фисташка тотчасъ же принялся за работу, но еще было далеко до ста ведеръ, а онъ ужъ обливался потомъ. Такой тяжелой работы ему никогда не приходилось дѣлать.

— До сихъ поръ у меня работалъ осликъ, онъ водилъ приводъ, который накачивалъ воду, но сегодня, бѣдненькій, того гляди, издохнетъ.

— Покажите мнѣ его, — сказалъ Фисташка.

— Что жъ, пойдёмъ!

Въ конюшнѣ на соломѣ лежалъ хорошенькій осликъ, обезсилѣвшій отъ голода и работы.

Петрушка посмотрѣлъ на него внимательно и подумалъ:

«Я вѣдь его знаю, мнѣ мордочка его знакома».

Онъ наклонился и спросилъ на ослиномъ языкѣ:

— Кто ты?

Умиравшій осликъ открылъ глаза и пробормоталъ тоже по-ослиному:

— Я Фи...ти...лекъ...

Закрывъ глаза и издохъ.

— Бѣдненькій Фитилекъ! — вполголоса промолвилъ Фисташка и, взявъ немного соломы, отеръ катившуюся по щекѣ осла слезу.

— Тебя такъ тронула смерть осла, который тебѣ ровно ничего не стоитъ,—обратился къ нему огородникъ,—а каково же мнѣ? Я вѣдь заплатилъ за него деньги.

— Онъ былъ мой другъ.

— Твой другъ?

— Мой школьный товарищъ.

— Какъ? — съ хохотомъ воскликнулъ огородникъ. — Какъ?! Твои товарищи ослы?.. Воображаю, какъ вы хорошо учились!

Петрушка ничего не отвѣтилъ. Онъ научился теперь молчать.

38.

Съ этого дня въ продолженіе пяти мѣсяцевъ онъ вставалъ каждое утро до разсвѣта и шелъ накачивать воду, чтобы получить стаканъ молока для папы. Кромѣ того, научился дѣлать камышевыя корзины, и этого небольшого заработка хватало на расходы. Ухитрился даже смастерить небольшую телѣжку, въ которой вывозилъ кататься старика.

Въ сосѣднемъ селѣ онъ досталъ старую, большую книгу, у которой не хватало ни заглавнаго листа ни окончанія, и по ней упражнялся въ чтеніи каждый вечеръ. Кромѣ того, очинилъ себѣ палочку вмѣсто пера, а чернила сдѣлалъ изъ сока ежевики съ вишней и переписывалъ, какъ могъ.

Такимъ образомъ, онъ не только прокормилъ себя и своего от-

«Гдѣ же прежній деревянный Петрушка?» спросилъ Фисташка.

ца, но отложилъ еще немного денегъ на покупку платья.

Разъ утромъ онъ говоритъ отцу:

— Я пойду на рынокъ купить себѣ другое платье.

И побѣжалъ веселый и довольный.

Дорогой вдругъ слышитъ, что его кто-то зоветъ по имени. Смотритъ, на изгороди сидитъ Улитка.

— Ты меня не узнаешь, Фисташка?

— Какъ будто узнаю, а какъ будто и нѣтъ.

— Не помнишь развѣ, я была въ услуженіи у Феи съ голубыми волосами? Я сошла еще посвѣтить тебѣ, когда твоя нога въ двери застряла.

— Все помню! — воскликнулъ Фисташка. — Говори же мнѣ скорѣй, гдѣ дорогая Фея, простила ли меня? Помнишь ли обо мнѣ? Любить ли, какъ прежде? Далеко ли она отсюда?

— Милый Фисташка! Фея очень заболѣла.

— Заболѣла?

— Да, къ несчастью. Бѣдна она и нездорова, у нея нѣтъ ни кусочка хлѣба.

— Неужели? Что ты говоришь? Бѣдная Феюшка!.. Если бы я владелъ миллиономъ, я тотчасъ отдалъ бы ей все. Но у меня заработано только нѣсколько копеекъ... вотъ онѣ! Снеси ихъ, Улиточка, скорѣе моей Фей. Ступай же, торопись! И скорѣе возвращайся. Можетъ-быть, я заработаю еще. До сихъ поръ я работалъ на отца и на себя, а теперь стану работать лишнихъ пять часовъ, чтобы помогать и Феюшкѣ. Прощай, Улиточка, я буду ждать тебя.

Улитка противъ своего обыкновенія побѣжала такъ быстро, какъ бѣгаютъ только ящерицы въ июльскую жару.

Когда Фисташка вернулся домой, отецъ спросилъ его:

— А гдѣ же новенькое платье?

— Не нашлось мнѣ ничего по росту. Что дѣлать?.. Куплю въ другой разъ.

Въ этотъ вечеръ Фисташка работалъ до полуночи и вмѣсто восьми корзинокъ сдѣлалъ шестнадцать. Заснулъ онъ крепко и увидѣлъ сонъ:

Прекрасная, улыбающаяся Фея пришла, поцѣловала его и сказала: «Милый мой Фисташка! За твое доброе сердце я все тебѣ прощаю. Будь впередъ немножко разсудительнѣй, и ты будешь счастливъ».

Тутъ Фисташка проснулся, и широко отъ изумленія открылъ глаза. Изъ деревянной маріонетки онъ превратился въ мальчика. Вокругъ себя, вмѣсто глиняныхъ стѣнъ хижины, онъ увидѣлъ прекрасную комнату. Около кровати лежало новенькое платье.

Одѣвшись и невольно опустивъ руку въ карманъ, онъ нашелъ тамъ маленькій кошелекъ съ надписью: «Фея съ голубыми волосами очень тронута добрымъ серд-

цемъ милаго Фисташки и возвращаетъ его деньги».

Въ кошелькѣ вмѣсто мѣдныхъ денегъ блестѣли новенькія золотыя.

Когда онъ подошелъ къ зеркалу, то не узналъ себя. Это не было изображеніе прежней деревянной маріонетки—передъ нимъ въ зеркалѣ стоялъ красивый мальчикъ, веселый и нарядный, точно въ первый день Пасхи.

Фисташка самъ себѣ не вѣрилъ, наяву это или во снѣ.

— А гдѣ же папа?—вырвалось невольно у него.

Дженетто былъ въ сосѣдней комнатѣ, здоровый, бодрый и веселый, какъ и прежде. Онъ уже принялся за свою прежнюю работу рѣзчика по дереву.

— Что значить вся эта перемѣна?—спросилъ Петрушка вошедшаго въ эту минуту старика.

— Причиной тому твоя заслуга,—отвѣчалъ его отецъ.

— Моя заслуга?

— Да! Когда мальчики изъ дурныхъ дѣлаются хорошими, они получаютъ даръ обновлять и украшать все вокругъ себя, все, даже въ ихъ домѣ, въ ихъ семьѣ.

— А гдѣ же прежній деревянный Петрушка-маріонетка?

— Вотъ онъ!—указалъ Дженетто на прислоненную къ креслу маріонетку съ склоненной на одну сторону головкой, съ повисшими руками и отогнутыми въ бокъ ногами, такъ что казалось невозможнымъ поставить ее прямо.

Фисташка посмотрѣлъ на эту куклу, покачалъ головой и рѣшилъ такъ про себя:

«Какой же у меня былъ тогда дурацкій видъ! Какъ доволенъ я теперь, что сталъ мальчикомъ, какъ всѣ другія дѣти».

